



№ 2 (904)

ЯНВАРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

# СМЕНА





Меня удивляет и возмущает откровенное вымогательство оценки. Почему у взрослого человека ядрут правда? Чувство собственного достоинства! Почему он обижается на преподавателя, если тот не идет ему навстречу, а, проше говоря, на сделку с совестью? И все-таки вина за подобные явления лежит целиком и полностью на преподавателе, на тех из нас, кто негласно установил систему занятий, а точнее, благоприятных требований. Это наносит вред и студенту и производству.

Дипломы вечерника, заочника и дневника ничем не отличаются друг от друга. Их владельцам признается высокое знание инженерии или экономики, агронома или учителя. И коли это так, то знания у них должны быть равноценными. А следовательно, и критерии оценки — едиными.

К сожалению, многие заочные и вечерние вузы свои программы и учебные планы копируют с дневных, мало учитывая особенности студентов, занятых как отрыва от производства. Если строго отобрать необходимую сумму знаний для студентов-заочников, активнее опираться на их производственный опыт, можно достичь более высокой успеваемости, более глубоких знаний.

Мне вспоминается письмо студента-заочника А. Овчинникова (Саранская область). Он справедливо сетует на отсутствие системы обучения без отрыва от производства.

«Не все студенты имеют возможность посетить консультации и даже приехать на экзамен в свой институт. Однако некоторые вузы отказываются снабдить студентов учебными пособиями.

«Изучение большого количества предметов, неминуемо для практической работы, ведет к непропорциональной затрате времени, разочаровывает нас. За годы учебы ничего полезного для себя как начинал планового отдела строительства и не получил. В учебном плане на изучение специальных предметов отводится только седьмая часть времени. Цифра говорит за себя. Программа не отвечает требованиям сегодняшнего дня».

Красочное обвинение. Видимо, в вузах забывают о том, что производственник становится центральной фигурой в институтской аудитории. В 1958 году на учебу в вузы без отрыва от производства было принято 35 процентов общего числа студентов, а сейчас их доля увеличилась чуть ли не вдвое.

В Сибири я познакомился с тремя студентами-инженерами. Все трое были замечательны по учебе в институте. Анатолий П. Бросил вуз, не сдав экзаменов даже за первый семестр. Нет, он не испугался трудности, причина была в другом. Он объяснил причину таким образом: «У меня нет интересной профессии — это моя! Я люблю ее и не хочу менять на другую». Но поверить его словам нельзя. Он научил водить автоколонны. Он много читал, любил театр и кино, принимает участие в художествен-

ной самодеятельности, много и углубленно изучает все новое, что появляется в автомобильном транспорте. За что же его упрятали? На мой взгляд, он поступил честно.

Константин Б. поставил перед собой цель — во что бы то ни стало получить диплом инженера. И надо отдать ему должное: он упрямо шел к своей цели. Вроде бы все хорошо! Но поговорите с ним и вот что услышите в ответ на вопрос, почему он хочет стать инженером:

«Надоело крутить баранку. Все становится инженером, даже я, хуже других! В порошок разбейте — а своего достигните. Наверня, надо бы уметься его истинности и аскетическому образу жизни: он не ходит в кино, не бывает в театре. Все rightly учебники. Однажды я думал от усталости. Плохо, если у человека пропадает интерес к окружающему. Он имеет все шансы смутное представление о том, что происходит в стране, в мире. Его тяга к образованию, к изучению, к потребности, а чисто эгоистичная идея: доказать, что он, мол, не хуже других».

Совершенно иное впечатление оставил третий водитель, Владислав З. Он окончил два курса политехнического института и ядрут понял, что избранная специальность его не интересует. Он ушелся проблематично, а дилемма внутри себя не мог определить для себя, какой же вуз для него наиболее подходит. Константин Б. поменялся над мальчишеской его несерьезностью.

И кисти Владислав, он не взял советов друга и переехал на первый курс того вуза, который действительно был близок его интересам.

Мне кажется, надо спросить тех, кто отправляется учиться, смогут ли принести большую пользу обществу, кому это позволит более полно раскрыть свои способности. Но я против перемены хороших производственных навыков, плюшек или посредственных инженеров. Нам нужны хорошие специалисты, а не владельцы дипломов.

Человек, прошедший школу труда, освоивший профессию шофера или токаря, наладчика или механизатора, потенциально может стать более способным инженером или агрономом, чем человек, лишь доулавливающий в институте со школьной программой.

Более того, свое призвание студент, совмещающий учебу и труд, может определить более зрело и обоснованно. Этим идеалом производства и нельзя его связать с тонкой злойливой агитацией за «институт вообще» да с снижением требований и знаниям заочника и вечерника. Вместо этого нужно давать возможность в институте со школьной программой.

Я уже рассказывал о студенте, который клочил у меня тряпочку. Попробуем разобраться, почему он это делал.

Начавшаяся с того, что он списал контрольные работы, с горем попом выполнял практические задания. На экзаменах в одном случае ему повезло с билетом, в другом — удачно соскользнула злоба, а в третьем — выпылкала положитель-

ную оценку. Таким образом, первый билетом был взят, и студент перешел в второй курс. Там опять повезло. А вот на третьем триумфальное шествие закончилось. Трудно ему признать фактоско. Ведь кто-то из его приятелей, избравших такой же путь к знаниям, перескочил на четвертый курс. Значит, он просто невезучий, чуть ли не страдалец.

А всего этого можно избежать, выискивая ответственность преподавателя за учебный процесс в сети заочного и вечернего образования, решительно искореняя ненужный и вредный либерализм.

Мне хотелось бы привести еще один важный аргумент — экономический. Дело в том, что продолжение специального образования стимулируется у нас материально. В течение шести лет обучения в институте студент-заочник или вечерник — пользуется чуть ли не годичным оплаченным отпуском на сдачу экзаменов и защите диплома. Подготовку специалиста на вечернем или заочном факультете обходится государству ненамного дешевле, чем на дневном. И если в результате подготовлен хороший специалист, то цель достигнута, средства потрачены разумно. Но если нет — остается только считать убыток. А они немалые. Нельзя забывать и того, что, занимаясь вечером в институте, студент затрачивает значительные физические, умственные и нервные усилия. Это не могло не сказываться на его успехах в производственных делах. Известно, например, что в период экзаменов многие сосисы предприятия испытывают существенные трудности из-за нехватки рабочей силы.

В итоге он наконец узнал инженерную должность. А полноценных знаний у него нет. Возможно, он получит их с годами. Но пока общество будет скорее терять, чем приобретать в результате такого труда или будет использовать этого специалиста не по назначению.

Повторю снова: я не противник образования без отрыва от производства. Кто может и хочет учиться, тому надо создавать все необходимые условия. Но вряд ли нужны излишние уговоры, уникающая благоприятность.

Конечно, легче найти те или иные недостатки. Значительно труднее их устранить. Я уже рассказывал о беседе, состоявшейся в партийном Уралзаводе. Старший мастер завода Л. Поздеев все тогда такое предложение:

«Лыгты надо предоставлять тем производственникам, которые хорошо учатся. Способный инженер может получиться только из того, кто уже сегодня работает по избранной специальности. У нас на заводе ежегодная оплата дополнительных отпусков осуществляется и студентам. И жалко, что они порой достаются тем, кто плохо работает или специализируется по профессам, не нужной нашему предприятию». В результате некоторые рабочие, получив диплом, покидают свой завод.

Но, кажется, было бы целесообразно, чтобы общественные организации и администрация предприятий регулировали учебу производственных. Необходимо, безусловно, оказывать содействие тем рабочим, которые хотят получить образование по той специальности, в которой нуждается предприятие. Тогда средства будут использоваться целесообразно, а выпускники смогут принести наибольшую пользу. Это потребует более обоснованного отбора кандидатов в институты и техникумы. Людям, рекомендованным на учебу производством, надо предоставлять привилегии на конкурсных экзаменах. После окончания института специалисты должны в обязательном порядке отработать 2—3 года на своем предприятии.

После окончания занятий на вечерних факультетах Московского энергетического института я частенько разговаривал со студентами. Это было необычайно и поэтому откровенные разговоры. Многие учебные группы вечерников состояли целиком из работников одного предприятия. На заводе некоторые ребята уже трудились в должности инженеров, другие — у станков, третьи — в заводоуправлении. Почему все они выбрали отрыв и ту же специальность? Оказалось, что многие из них просто выжили в должности инженеров, другие — у станков, третьи — в заводоуправлении. Почему все они выбрали отрыв и ту же специальность? Оказалось, что многие из них просто выжили в должности инженеров, другие — у станков, третьи — в заводоуправлении. Почему все они выбрали отрыв и ту же специальность? Оказалось, что многие из них просто выжили в должности инженеров, другие — у станков, третьи — в заводоуправлении.

По-моему, надо бороться с подобной унификацией. Задача коммунистических бригад должна стать продуманной отбор в институты наиболее подготовленных, наиболее достойных членов коллектива. А сама бригада должна всемерно помогать им на сломном пути и высшему образованию.

Наверное, возникнут и предложения. Ну, что ж, давайте подумаем сообща, давайте вместе поможем нужную дорогу.

Продолжение всех статей, соединяется.

**СМЕНА**  
 ИТЕРАТУРНО-КУЛЬТУРНЫЙ  
 И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
 ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА  
 ВЛКСМ

Год издания седьмой второй  
 Выходит два раза в месяц

1965  
 ЯНВАРЬ

Нащита луна, навощена,  
проявлена в стекле окна ночного.  
И в шлепанцах шагает тишина,  
за паузой держа сверха печного.

Как старец, чуть хриптя, вздыхает хлебный квас,  
и пучится в печи распаренное тесто.  
Лунатики, я понимаю вас!  
Вам в доме  
вот в такие ночи тесно.

И я хочу забраться на карниз,  
на самый край.  
Забыв про все на свете,  
привстать губы точно, как горнист,  
к взволнованной и глумой лунной меди.  
Нет, нет. В потоке лунного огня  
здесь человек в воссе не случайный  
кукушке и буфетчице из чайной,  
по-божески обесчистившим меня.  
Я не чужой ни снегу,  
ни стерне,  
ни тем богам, еще живущим в доме.

И даже пес, прикованный к стене,  
при мне спокоен на своей соломе.  
К нему чужой попробуй подступи —  
он не упустит верную возможность.  
Так наша жадность рвется на цепи,  
рычит, клявит оксалей, осторожность.  
И наша злость еще в его зубах,  
и наша цепь на нем — собачье бремя.  
Но путь скорее наступает время  
доверчивых и ласковых собак!  
Они не от рожденья были злы  
и лают, как прохлятая прохлястость.  
Илиферитной тишины и близкис  
порой собачьим ушам не выношат...  
На улицу!  
Мне справиться не смохч  
с тревожащей магнитной лунной силой!  
И, как любовь девчонки некрасовой,  
светла и бескорытна эта ночь.  
Она стоит тиха, белым-бела,  
и жидкая колышется завося.  
Стекланного, завяженного леса  
в моей душе зайонк колокола.

Взвесьте судьбы на точных весах,  
неудачи, удачи, сомнения  
и горющую в наших глазах  
восковую свечу нетерпенья!  
Шарит дождик по крышам.  
И вот, притравився к фасадам гостиниц,  
обучаясь «системе» идет  
очень нервный, кластьев студент.  
Он толпу раздвигает плечом,  
неострый шарф выпускает наружу,  
по болоньям хлещим плащом  
укрывает ятежную душу.  
Опоздывая ему не простят,  
отговоркам его не поверят,  
е приходе его известят,  
проесрившей, театральные даерн.  
Верит он, что ему старик  
тайнички от искусства отпирут.  
И висят на стене парники,  
словно скальпы грядущих героев.  
Мыши мучительна,  
совесть чиста.  
Время времени давит на плечи.  
И горящие эти уста  
произносят великие речи.  
Быть статистом ему.  
А пока  
верит он, что в забвение не канет,  
как мечта, его роль велика:  
он Корчагин, Ромео и Гамлет.  
Для его гениальной игры,  
как планета, обширный подостник,  
и горят, как созвездия, блестяки  
театральной святой мишуры.  
На больших свихонках хлопоча,  
наши тени бросая на стену,  
наши души смегают свача.  
Человек выходит на сцену!

Вот капельки дождя зашлепали, как пули,  
ночные фонари чуть светят в темноте.  
Соседи за стеной под этот шум уснули  
с мечтой о доброте,  
с мечтой о доброте.  
Спешите с добротой, ее призывам внемля,  
к «Динамо», на Арбат, на Чистые Пруды.  
Иначе доброта твоя придет на звалю,  
как запоздалый свет от гаснущей звезды.  
Людская доброта бесплотно и бесплатна,  
неслышана, она проходит по домам,  
согрев сердца дождя, она спешит обратно.  
Она вернется к вам.  
Она вернется к вам.  
О длинный шум дождя, напоенный простудой.  
Напоенный ночной печалью и тоской!  
Приходит доброта, и происходит чудо.  
Все чудеса земли от доброты людской.

## СТАРЫМ БОЛЬШЕВИКАМ

О памяти беззучное кино,  
лед яростных стремительная повесть!  
Его лицо, суровое, как совесть,  
бывает в эти дни озарено.  
Большое сердце бьется все сильнее,  
и тело поднимается из кресла  
на трубный глас военного оркестра,  
играющего музыку твоя дней.  
Крупна мужского счастья слеза.  
И вандешие смерть, и ярмар, и стужу  
устрелены сегодня прямо в душу  
его непримиримые глаза.  
И в дни, когда такие люди плачут,  
у них в глазах полки в ряды встанут.  
И конки обезумевшим пашуру  
матрсы несно «Яблочко» поют.  
Оркестр гремит.  
И фейерверк горит  
огнями в голубой стекле оконом,  
а он потертого индианские суконном  
уда за гранью времени стоит,  
упорный человек, увешайи сместь,  
жизнь сделавший большим и  
нужным делом...  
Он в этот день уже за тем  
пределом  
где все права утрачивает сместь.

Нейтронам на политнику плавать,  
ни им к чему парламенты и трои:  
они — нейтроны.  
А люди не умеют забывать.  
А люди колят горючие слова,  
и боль войны стоит в глазах белесых.  
И полеп одиночки, как ядова,  
бредет простоволося береза.  
Ученые — сват.  
И в том сомнений нет,  
что благодатно это излучение.  
Но ведь и бомбы ядовитый водородный  
свет —  
он тоже ядовитый плод ученья.  
Нейтроны не умыи и не хитры.  
Они во всем зовывали подобны:  
добры они,  
покуда мы добры,  
и злобыи, если люди станут злобыи.

## НЕФТЬ ИДЕТ...

Вы видели от нефти черный снег,  
фонтан, как плетью бьющий  
по столетью!  
Машинным веком стал двадцатый век,  
едва ему в лицо плеснуло нефтью!  
И веком сформированный металл,  
смыкаясь с нефтью в напряженное  
спором,  
ядруг заревел,  
запел,  
захохотал,  
загрохотал  
и сделался мотором!  
Смотри:  
широколобый и блестящий,  
стальные ноги выставя в упор  
и свергу чуть приплюснутый,  
как вывер,  
скользит по волковой воле «Метеора».  
И, раздвигая облака лязняие,  
кряхтя от напряженного труда,  
ползут по Волге нефтянеливные,  
наполненные топливом суда...  
Хмельной напикот рыжого огня —  
нефть,  
нефть идет,  
цистерны наполняются,  
и временяи стремительно врывается  
в страну,  
в меня!

По утрам мы ставили  
с железных раслаивающих коек...  
Мой сосед, математик,  
был тихим и добрым, как конюх.  
Он писал уравнения,  
он мячонки бужая на числа,  
все пытаясь дотти  
до какого-то главного смысла.  
Ну, а в вечерам  
корпел над своими стихами.  
Мы званья друг друга  
считали в душу пустакан.  
Но однажды, когда  
я был чем-то расстроен и желчен,  
он меня попросил:  
«Объясни мне, лжамалиста, женщин».  
Я ответил ему:  
«Как же ты недоодедья, однокл!  
Нарисуй уравнение,  
рассставь, где положено, знаки,  
опиши в уравнение,  
нема ты опечален,  
ахмет — если ты робок,  
а плюс — если в меру нахален.  
Все на графине точки  
проставь, не скрывая,  
и куда-нибудь вывезет  
эта кривая».  
Может, он на меня,  
может, он на себя рассердился,  
только ядруг через день,  
проявля непонятную удаль,  
вспомнил.  
И живет он с женой,  
некрасивой и тихой,  
и худ-иногда вывезет  
эта рабоничей прачечной,  
то ли портничкой.  
И теперь надевает очки  
наподобие бабич,  
вечерам близиче рассказыва  
длинные стишки.  
А потом он опять  
примыкает ядучиваться в числа,  
все пытаясь дотти  
до какого-то главного смысла.

Фото В. ГАТЧИКОВА

— Значит, хотите написать об армейской романтике? — переспросил генерал.

— Да, а решить эту тему хочется, побывав у летчиков или ранетчиков, потому что у летчиков — романтика скорости, у ранетчиков — романтика экзотической готовности.

А у танкистов?

— Да, конечно. Но все-таки...

В проформат еще несколько невразумительных фраз. А генерал сказал:

— Ну и отлично. Тогда поезжайте в Энис.

В пассажирском аэропорту меня встретил сержант. Он сказал, что скоро мы доберемся до части. Действительно, через час на оина «газика» на краю леса я увидел двухэтажные здания, обнесенные длинными заборами.

— Вот и приехали, — сказала сержант.

На плацу солдаты занимались строевой подготовкой. В стороне репетировала духовой оркестр. Банной взвод, ченая шаг, проследовая в длину с надгисья.

Около медуланта сидел на снамечне военврач, весь его вид говорил о том, что делать ему совершенно нечего: больных в части нет.

Сержант проверил меня на второй этаж здания штаба.

В большом кабинете офицеры сидели за картой:

— Не робейте, не робейте, не помышаете, — сказала старший в звании офицер, явно командир. Он подал меня и карте. — Через неделю мы пойдем в «боя». Операция большая и сложная. Подготовка требует тщательности. Впрочем, как все в армии. Смотрите, — он ткнул указкой в какую-то точку, — вот тут, у высоты «54», мы высадем «сникиса и кизилца». Здесь им будет крышина. Почему? Да потому, что они не ждут удара с севера: слишком много водных преград. А мы охватим их именно с севера. Здесь, — командир показал на синюю линию на карте, — танки пойдут под водой.

— По воде, — поправил я.

— Нет, именно под водой.

Я был поставлен в тупик.

— Это что, амфибии?

— Самые обычные танки, но умеющие ходить под водой.

Никогда и не слышав о таком, я спросил:

— А мне можно будет пойти на них в «боя»?

— Если сегодня начнете готовиться.

— И врачу меня повел уже знакомый сержант. Зовут его Юрой. Юра

искусен до армии слесарем. Закончив школу рабочей молодежи, Юра

было поручено «опенать» меня и готовить в «боя». Получив комбинезон, сапоги и шлемофон, я пошел вслед за сержантом на танкодром. Нам выдали танк, и Юра сказал:

— Садитесь в этот.

Он успел влезть в машину, завести мотор и три раза спросить: «Ну как, забрался?», — а я все еще втискивался в танк. Как-то разместился на месте стрелка-радиста.

— Поехали! — спросил Юра, и в тот же миг удар пришелся по правой стороне моего шлемофона.

— Дерните голову! — крикнул Юра.

— Тут чуть-чуть поминает.

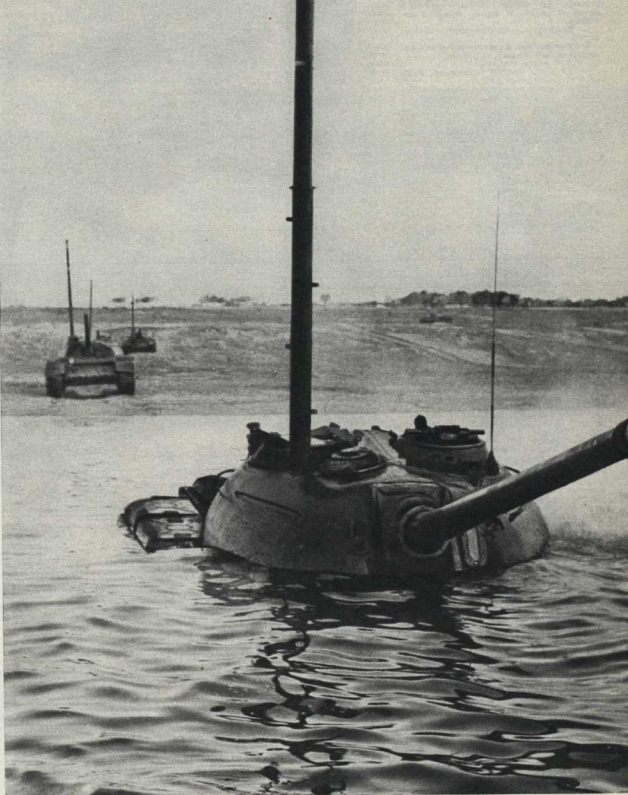
«Чуть-чуть» я сидел словно на вибраторе, трамбуя бетон. Голова ютася в разные стороны.

— Сложной! — опять крикнул Юра.

— Проходишь препятствие.

Еще мгновение назад его шлемофон находился совсем рядом с носом моего сапога, и вдруг он исчез. Юра провалился куда-то вниз. Мы падали в беду. Головой я воткнулся в прищип и почувствовал, как что-то теплое начинает наливаться на глаз. (Потом над этим случаем все дота снегасья целую неделю) Но это было еще победой. Через мгновение мои ноги стали перемещаться вперед и вверх, а голова, сама по себе, — назад и вниз. Ступаясь затылком в я, как ни странно, успокоился.

— Терпите! — спросил Юра.



# ЖИЗНЬ ВОДЫ В «БОЯ»

— Прекрасно себл чувствую,— со-  
врал я.

— Еще пять препятствий — и тра-  
сса пройдена.

Пять так пять. Ведь не вылезать же  
сейчас из танка. От напряжения и волно-  
мощания новым «сюрпризом» волосы  
под шлемофоном сплились и по градо-  
стружились по лицу. А мы опять  
устремлялись в небо и мчались в про-  
стах, крутились вокруг оси танка то  
влево, то вправо. Потом трисекунды  
вновь и вновь. И вдруг машина за-  
мерла.

Приехали, — сказал Юра. — Выле-  
зайте.

Он выпрыгнул из машины, и кто-то,  
подходящий к нему, спросил:

— Как морсепордист?

— Да я его провезл тихонечко. Ведь  
он в танке первый раз.

«Если этот аз — тихонечко,— подум-  
вал я,— то как же тогда в бою?»

Однако отступить было некуда. Я  
твердо решил терпеть до конца. Танк  
вновь пошел по учебной трассе. Про-  
прыгнув в шарашалы головной о стен-  
ки и углы, а по бокам дупили накин-  
то рычаги.

А потом мы пошли по трассе в  
третий раз. И в груди моей уже пело. И  
ходить в танке мне казалось прекрас-  
ным потому, что это был шаг в сло-  
во, ранее неизданное.

Дангетов рычал. Его рык мне слы-  
шался песней. Срывающийся голосом  
и мчащийся прорывал мотни, и гово-  
рил лесно про танкистов.

Как это здорово почувствовать  
ранее неизданное, будь то любовь,  
или сознание своей силы, или пони-  
маю того, что ты не трус. Об этом  
я думал ночью, боясь пропустить рас-  
свет. Потому что на рассвете мне од-  
ному из всех ротов муконо было быть  
у танка. Я приехал в танковый парк  
куда раньше назначенного срока и  
ходил вокруг тихих, будто спящих ма-  
шин, словно под часами у памятника  
Пушину при первом свидании с лю-  
бимой...

На свидание пришел тот же сер-  
жант.

— Так вот,— сказал он серьезно.—  
Споро будет учения. Вас можно вать  
в «бой», если научитесь делать что-  
нибудь полезное. А учиться вам надо  
в десять раз быстрее, чем солдаты.

Итак, мне предстояло освоить спе-  
циальность заревающего. Пока танк  
стоял на месте, Юра научил меня за-  
рывать пушку. Я не очень ловно и не  
очень быстро, но все-таки повторила  
урок несильно раз. На ходу этого сде-  
лать вообще не удавалось. Пушка то  
отдвигалась от меня, то приближа-  
лась к плечу. Я злился на свою бес-  
такажность, и дело от этого шло еще  
хуже. Через час или полтора все же  
удалось научиться. Я крикнул Юре:  
«Порядок!» Танк остановился.

— Знаете, если это порядок... Все  
надо делать в пять раз быстрее.

Потом мы еще и еще ходили по  
трассе, и наконец, сержант сказал,  
что на сегодня хватит и он ставит  
мне «тройку».

На двери табличка — «Камера окурив-  
вания». Здесь следующий этап моей  
подготовки. И ранее выданной амуни-  
ции прибавляется теперь противогаз.  
Интересная это штука: работает как  
все обычные противогазы, но стоит  
его погрузить в воду — он становится  
автоматным прибором, словно авиала-  
янт.

С помощью сержанта я довольно  
быстро подогнал лыжи маски. Через  
слоную систему тамбуров мы вы-

Еще одна специальность танкиста.



Продет несколько минут, и танкисты «машут»  
ходить под водой самые обычные машины.

К водному рубежу. Впрочем, для  
этих машин река уже не преграда.



шли в соседний зал: здесь был огром-  
ный бассейн, облицованный кафелем.  
В воду вела металлическая лестница.  
Юра привязал к моему ремню веревку.  
Поверх маски я надел шлемофон.  
Подключился к длинному шнурку. Сер-  
жант тона надел шлемофон, и я услы-  
шал его голос.

— Не топчитесь. Идите под воду  
спокойно.

Я ступил на лестницу и хотел было  
двинуться вниз.

— Возьмите в руки траки, иначе  
вода будет выталкивать наверх,— по-  
следовала команда. Я поднял траки и  
сделал шаг вперед. Потом на следую-  
щую ступеньку. Затем на третью. Во-  
да оказалась холодной. Промочил  
комбинезон, она обмокла тело...

Когда сержант сказал, что пора вы-  
ходить из бассейна, я уже чувствовал  
себя героем.

Потом он долго держал меня под го-  
речью дупим и сам с удовольствием  
терся мочальной. За стеной, в сушиль-  
ном шкафу, «облажонивалась» моя  
обмундирование.

В тот день и солдатскую обеду я  
попробовал довану. Сержант хохотал:

— Если с вами строевой позани-  
маться, настоящим танкистом станете.  
А ноль будет трудно — пойте, то-  
час полегчает.

Через два часа именно так и при-  
шлось поступить.

Рядом с бассейном, где я уже был  
утром, оказался и второй. В нем уста-  
новлен манет танка: танк совсем как

мостовики, только в башне сидели инжениеры. Когда мы пришли сюда, танк стоял на сухом дне.

— Как надо было в противогазе пройти намеру окуривания. Вновь надо было в противогазе, и Юра обвалился в такой же наряд. Мы отравились в танк вместе, раздался так как несколько дней назад, когда ходили по танкострою; серпантин на месте механика, я — заражающего.

— Начинается потуги, — раздался наущениях. Вода захлопала по бортам машины. Сивозь один из инжениеров и встал, как он поднимается все выше и выше. Мы ошалели под водой. Тело проминалась как-то сыро, хотя в машине не было ни капли воды. — Шахмат? Вы без доски монета? — спросил серпантин.

— На суше, — ответил я и про себя подумал: «Кане здесь, с черту, шахмат...»

— А мы с ребятами увлекаться.

Я молчал.

— Зарядите пушину, — приказал серпантин.

Я несколько раз повторил всю операцию от начала до конца.

— Ну как, обвалились? — спросил Юра.

— Конечно.

— Тогда имейте в виду, что машина есть машина. Правда, за все время работы танков под водой с ними никогда ничего не случилось, но во всемо надо быть готовым: машина может сломаться.

«Только этого не хватало», — подумал я, а серпантин продолжал:

— Все наши подводные тренировки рассчитаны именно на такой исключительный случай.

— Но пока у нас все в порядке?

Серпантин засмеялся:

— Конечно, если не считать, что двигатель заглох и надо поинтересоваться машиной. Действуй не слышь, но энергично. Откройте люк в башне.

Выходите в воду и всплывайте.

«Вудь что будет», — решил я и толкнул люк вверх. Крышка не поддавалась ни на ют.

— Вы физикну в школе учили? — спросил серпантин. — Чего мне тогда мучаетесь? С давлением воды так не справитесь. Надо затопиться в машине.

Мне, признаться, стало не по себе, а серпантин продолжал совершенно сплюснано:

— Сейчас я отворю заслонку, и вода войдет в танк.

Вода и вправду зажурчала под ногам. Потом дошла до груди. Я нагну голову, а вода миновала на очни машин. Теперь уже ничего не было видно. И тут, вспомнив о напугуствии, я зашел.

— Хватит музыки, — сказал серпантин, протерев первый куплет. — Над авии зазоры люка. Найдите их руками... Нашли? Открывайте.

Я наугад зазоры и нашел из них. Легко отступила крышка. Мготой мерцающий свет проник в танк. Меня потонуло наверх.

— Выходите, — раздалась в наущениях.

Я сунул голову в люк, и каная-то сила понесла меня из танка. Потом мне бросили конец веревки, и, скватившись за него, я выбрался на барьер бассейна.

— Как впечатлен! — спросил дежурный офицер.

Я зардал вверх, большой палец и начал стгивать маску противогаза.

Молча. Потому что слова здесь были ни к чему. Вода барьер неизвестности, через который я сегодня переступил, наидый из присутствующих преодолел давнее-давнее.

До учений оставалось совсем немного. Каждую ночь мы медали их.

Ворочаясь на койке, я думал о ребятах, которые спали со мной в казарме. Может, и очень цетастен и так нельзя писать о солдатах, но их будни представлялись буднями путешественников, открывающих все новые и новые миры. Эти миры дарили им знания, наливаали искусство силой, учили и солдатской сноровке и рабочей

ловности. Каждое новое открытие что-то помоло и передеывало в их сознании. Но люна эта через иелугую трехлетнюю солдатскую дорогу авла в распахнутые двери Большой Жизни...

Как ни жди сигнала тревоги, он все равно прозвучит неожиданно. Так было и в ту ночь, когда колокола громкого боя сорвал нас с кови.

Учения начались. Танки мчались по «пересечению». Форсировали под водой реки. Проходили зоны «атомного заражения» — нашей технике они были не страшны. Потом — встреча с «противником» и «бой».

Нам оставили лишь пять огневых точек «противника». Пять раз я зарядил пушину. Пять раз звучала команда «огонь» — цели поразались прямым

попаданием. Высота «Б54» была взята. Задание командования танкисты выполнили на отлично».

Пора было возвращаться в Москву. До аэродрома меня провожал серпантин. Когда мы уже прощались, он спросил:

— А не жалевте, что не попали и ракетчикам?

— Да что ты, чудак-человек!

Иский военный округ.



Из-под воды — в бой.



Михаил РОЩИН

# Тополь

РАССКАЗ

С утра пришла не больше шести-семи километров, но было жарко, идти пришлось наизусть, без тропы, сквозь сырой, темный ельник, потом всходя на сопку, спускался, так что перемало устал. Их было трое, и они шли цепочкой, метрах в двадцати друг от друга. Двое мужчин и женщина, которая была старшей в их маленьком отряде... Она была вынослива и крепка, их начальница, — седьмой сезон перебрала в тайге, и она первый, — сегодня даже она устала: лицо у нее было потное, недомальное и шаг тяжелый. Горев и Воронов не привыкли видеть ее такой.

Сойдя с сопки, шаг опять молодым тесным лесом, еле продвигались. Солнце покало, и тайга не свисала, было душно.

Горев, самый молодой, шел последним, все мешок с образцами. Он устал тоже, но, если нужно, будет идти так день, ночь, еще день, — пожалуй, старлся заправским геологом. Жара — пусть жара, лес стеной — тоже хорошо, или вот эти камни в мешке: надоело, конечно, но, в сущности, ерунда, то ли еще можно вынести... Впрочем, он думал теперь не об этом. Бремя было истеряется речке, и он знал, что начальница разрешит испускаться и передохнуть у воды. Тем более что и сама она сегодня, кажется, выдохлась. «Нет, речка — это вещь», — соображал он, — да и пожевать что-нибудь да надо. Ему все время хотелось есть. «Расту я еще, что ли?» — думал он.

Он шел последним и только изредка видел следы чьей-то гонимой косячки начальницы. Два или три раза она оборачивалась, и он заметил, какое у нее красно-хмурое лицо. «Косаина-то совсем что-то...» — подумал он снова. Начальницу звали Оксана. Оксана Семеновна.

Наконец приблизилась к реке. Горев прибавил шагу и почти догнал начальницу. Теперь отчетливо слышался нестройный журчащий шум воды. Они замедленно остановились, а Воронов трясла кустами уже где-то впереди. Горев передернул плечами, уминая в спине рожа.

Они продвигались следом за Вороновым сквозь густой ольшаник и все вместе встали на самом берегу среди зарослей. Приятно обдало серой прохладой, чистым речным запахом. Речка была неширокая и мелкая, ничем, словно воду прорывало гальечником кое-где. Недалеке, на повороте, вода разбилась, и она сверкала, как чешуя. В тени, слева, в масляно-глазкой, зеленой от мха воде фотографически четко отражались береговые высокие ели. Тшина стояла сказочная, только вода журчала. Все трое встали, еще тяжело дыша и горбясь каждая под своей ношей, и глядели на устье это место. На той стороне, как раз на солнышке, чуть выискала, белела отмель.

Они перешли речку абр, не снимая сапог. На отмели с удовольствием сбросили рюкзаки, потом разделись, отнергнувшись в разные стороны. Разделились, нашли место поужебье, чуть выше пошла, стали купаться.

— А как же сегодняшние километры! — поддразнивая Оксану Семеновну, уже в воде, закричал Горев, и она погромила ему пальцем.

Она осталась в шланге купальнике с вышитой на груди белой чайкой, подбрала вверх волосы, стала непохожа на себя — красивая какая-то. Быстро, не замешкавшись, сошла в воду и тут же присела, окунаясь по самые плечи.

От купания усталость как рукой снялась, и вылезать из воды не хотелось. Только Воронов, стягивая свиток алмазных черных трусов, вода которыми поспасивалась. Горев, залез на несамостоятельно лопаткой, убрелась за кусты, наткнула там брюки и, пока Оксана Семеновна и Горев еще плавали, или вернее ползали по дну в мелкой воде, брызгалась и шумела, привнесла расширившие рюкзаки с консервами и раскладывая костер.

— Валя! Ой! С ума вы сошли! — чуть не визжала начальница и бежала из воды, выско, вскакивая белая полая нога, а Горев был и бежал по воде, брызгая со спины, нагоняя ее, спотыкаясь и тоже смеясь. Без одежд Горев был совсем мальчишка — тощий, длинноногий и длинноногий, с рыжими воступающими на руках и спине, с рыжей слабой бороздкой, которую еще с весны визжал отрягивать. Против Воронова — шепта цепкой. Воронов — приземистый и широкий, смуглый, с широкой спиной и грудью, с тяжелыми черными чубом на большой голове. Дядя Оксана Семеновна как-то сказала: до чего, мол, вы разные. Конечно, Воронову и в голову не пришло бы вот так забавляться. Он отводил взгляд, а потом опять смотрел, как на магнит, глаза сами поворачивались на ее обтянутую мускулом купальничку фигуру.

Они вышли наконец из воды. Горев бросился животом на песок возле Воронова, и тут стоял на коленях перед рюкзаком, доставая отдулу сухари и глядя изкоса на Оксану Семеновну. Она подошла тоже и остановилась по ту сторону костра. Он не успел отвести глаза, и она заметила, как он смеет.

И опять, как утром, и вчера, и третьего дня, она почувствовала тоску и скванность. «Нет, это уже невозможно», — сказала она себе. Она понимала, что рано или поздно, а скорее вот-вот, это должно как-то разрешиться. Воронов делал вид, что он и чужой, кроме работы, но думает, и она привала эту маскровку, сама вела себе так же, но в глубине души она сознавала, что в этой непростоте, подеркинутости, сухости уже есть фальшь и все не так просто. Может быть, она оттого так устала сегодня, была раздражена и несобранным, что вместо работы в голову все время лез Воронов, а она не хотела этого, но ничего не могла поделать с собой. И вот опять — тяжелая, убегающая его галка.

— Я слышную не буду открывать, жарко, — сказала Воронов. (Нужно ему это спрашивать, по свиную?)

— Подумаешь! — ответила Горев. — Давай-давай!

— Да, конечно, — ответила тоже Оксана Семеновна, но особенно винила, что он говорит.

Костер разгорелся, и Горев пошел с чайником к воде. А Воронов с папирской вой двинулся сюда, к ней. Что ему надо?

— Часика два, может, тут останемся, пока жаря спадет, а? Место-то какое...

(Нельзя было отступать, от костра, спрятаться?)

— Может быть, — ответила она, — посмотрим...

Он не отошел, продолжал стоять, тень его касалась ее ног, и ей хотелось подогреть ноги, отодвинувшись.

— Пойти косынку простирнуть, — пробормотала она и, не глядя на Воронова, поджала язык.

— Да место, конечно, что надо... — сказала опять Воронов.

Она машинально отряхнула прилипшие сзади песок и травинки и знала, что Воронов глядит ей вслед, глядя на красивые полосочки, оставшиеся этими травинками на теле.

Общая беседа. Горев все время острял, она успокоилась и даже поспаслась вместе с Горевым над Вороновым, как он улетал, надвывая щеки, сухари с тушенкой. Через полчаса, когда поела, она осталась на отмели одна: Воронов отправился по берегу за ягодами. Горев ушел по воде с фотоаппаратом. Аппарат был не его, а Воронова, как и ружье, но снимал, а задремала. Теперь ей было совсем спокойно, сонливо, некое плакло, и не хотелось ни думать, ни двигаться. Казалось: мол, поре, жалко. «Ну что, в самом деле, текото, — сказала она себе, — ну подумаешь, ей-богу, еще столько времени вперед, что лето портится!»

Очуная она от чужого присутствия рядом, от тревоги и, открыв быстро глаза, увидела совсем близко повязанную косынку голову Воронова.

Он стоял рядом на коленях, в обеих сложенных ковриком ладонях нес что-то. «Ягоды», — догадалась она. Машинально закрываясь, подбрала, потом вспомнила, что одета, задела, задела в кулак расстегнутый ворот кофочки. Воронов умибочулся, уминая мыла испунивую.

— Вот, насобирала...

У нее, наверное, тоже была на лице испуг, и она быстро, радостно приоткрылась тоже, придвинулась:

— Он, да предки!

Она подставила ладони, Воронов пересматривал ей изгуды, и она стала есть ртом с ладоней.

— Оксана Семеновна, — вдруг сказал он глухо, приближая лицо, наклоняясь, и она вдруг опять смеялась, и уже знала, что он смеялся дальше, и первым делом скользяла взглядом по сторонам, по блестящей речке, до самого ее поворота, боясь, что Горев где-то здесь...

— Тоая, вы что? Вы что, Тоая? — Лишь потом она поняла, что говорит шепотом, будучи в келье. Нет, это нельзя было, тут, на пустом, открытом месте, на солнце — вылезать. Она отползла и селась, а он едва не ткнулся в песок лбом, потерев равновесие. Она думала так же, как от брата. Оксана Семеновна опять огляделась кругом, ниша Горев, и быстро встала на ноги.

— Где же Валя? Надо идти...

(Не то, не то, совсем другие надо было говорить слова — грубо, резко, поставить его на место. А она шептала испугливо, и теперь вот тоже, будто именно не прощало, говорит не те слова...)

Между тем Горев встал уже эту секунду. Он ходил по реке, фотографировал, радостно представлял себе, как зимой, в вьюгой у друга Сави, когда за окном будет снег да мороз, он увидит медленно высвупающую на бумаге эти пухты, вспоинет этот жаркий светлый день, блеск реки, отведет... Потом снова по воде он пошел назад. Еще чмалит угада, как тихо идет Воронов к спичей Оксане Семеновне, неся перед собой сложенные ковчиком ладони. «Вот щелкнут их сейчас!» — и Он стал вдоль берега осторожно приближаться, изготовив фотоаппарат. Но что-то было в лице Воронова, в его крадущейся походке тогда, отчего Горев насторожился. Вот он подошел, стоит, смотрит на Оксану, опускается на колени. Так. Горев



сдела ее несколько тихих шагов. Да, это уже было, он уже испытывал как-то недавно, совсем случайно такое же неприятное, режущее чувство, что-то ошматки показало ему подозрительно, какой-то из взгляда, или взгляда Воронова, или Оксаны. Нет, не может быть...

Горев отворилась и перестала ступать. Черт знает что! Он стоял по колено в воде, в тухлом и рудбате. Куда деваться? И он почувствовала беспомощность и одиночество.

«Ну и смолчать,— говорила он про себя о Воронове.—Надо же, а? Он тут же вспоминал, как уезжали, как сидела все вместе у Сани в последний вечер, и Толя Воронов был со своей Лидочкой, и тогда уже все выплыла. Толя стоял за столом, обнимая Лидочку за плечи, и кричал: «Сегодня всех приглашаю на свадьбу, попляш!» А Лидочка, опустив голову, ухмыляясь, все орава «Оксана! Оксана!», и они целовались, будто это уже и была свадьба... А Оксана? Может, это у нее система, каждое лето вот так?... В какой это книжке парень кричит: «Перестаньте проституировать!» Выти сейчас к нему, чтобы начать...

С каким-то удовольствием, сурово он стал думать о том, как все это может отразиться на работе. «Ну, что за гад!»,— говорила он и опять вспоминала Лидочку, чистенькую и симпатичную Лидочку с третьего курса, и как она и Воронов целовались. Нет уж, условия ни еще создавать, кто ли!... Он сидела, на своей скамье, стала насмиваться, и, еще не глядя туда, двинулась к откорму.

Гли Тут все оказалось нормально. Толя, сидя на песке, снова пелена ног в портянку, второй шаг у него было уже надет. Оксана сидела, уткнувшись в карту на коленях.

Толя и Гле... Ну, да, крикнула она ему как ни в чем не бывало.

Вот это ли! Понудилось, что ли? Впрочем, нет, наверное: слишком злое, каменное было у Воронова лицо, слишком он быстро, резко все делал— это не похоже на него, чтобы он торжился уйти с привалом... Но все-таки борозно, что так, просто от сердца отсталого. Савва богу, честное слово!... Он хотел выбежать на песок, встать, стать, собраться. Все нормально, значит, в порядке, ну и хорошо...

Горев шевельла палкой костер. Загорится палка, сунет ее в землю, соберет пламя и слова подвинут голову. Булькала в ведре каша, пахло растерпанным жиром, сушилась вокруг костра размешанные на комьях картошки портянки. Вечер пошел по тайге: внизу уже совсем темно, стволы не различить, а верхушки еще чуть рисуются на небе. Воронов, сидевший с той стороны костра на поваленном стволе и читавший книгу, потонулся, зевнул:

— Кемно, букмы сливаются. Ну как там?— спросил про кашу и захохотал.

Горев не ответила. Оксана Семенова спала, закрыпшись от комаров в палатке, а ложка лежала на земле рядом с Горевым, но ему даже об этом не хотелось сказать. Пусть ходит, черт с ним. Воронов что-то медлил. Он опять плюхнулся в воду, Гореву хотелось было это его подтолкнуть, зевнуть, ленивый голос. Хоть бы ты шел уже, будаа слово Оксану!

— Эх, и пожрем сейчас!.. А ты что смурной какой?

Горев опять пошевелила в костре палкой, загнула в ведро, не отвечая, бросила.

— Ну, вода готова.

— Ну-ну,— сказала Воронов и пошла к палатке.

Горев смотрела в огонь, на розовые, тонкие от жара угли, и думала ни о чем не хотелось. Да и что думать? Он и так слишком много думал все об одном и том же всю неделю, с того привала у Каменик. «Думать, не думать, а думать не думать», как скажет притивный философ Толя Воронов. Философ, Кингчигчи. Вспрысый человек. Мужчина. И что это тоска такая, отчего!... Он усмался, как в палатке засмеялся. [Толя, конечно, везд тут, так просто не мог ее позвать], загонялти глухо, опять засмеялся. Горев нервно прислушивалась. Наверняка смех этот не относился к нему, но все-таки казалось, что Воронов говорит там о нем, и они посмеиваются. Да и в своем деле смешило он увидел себя со стороны, свою согнутую у костра бесчестную фигуру, себя со всеми своими длинными речями, которые мысленно обращал к ним с презрением... «Смешило! Тоже azért нашелся, моралст, уж не стнешь ли ты силой растаскивал их в стороны? А может, они выкопаны?» Горев усмехнулась.

— Идите, вы ли! Готово!— сказала Горев, так, словно он говорил лежа и в палатку. Горев опять загнула в ведро. Пуф! Пуф! Тяжело дышала каша.

— Идите, что ли! Готово!— подала он сурово. Бросила в костер обгорелую палку, отряхнула палачки. Никак не насметится, не ватешался...

За ужном Оксана Семенова, розовая и благодушная после сна, вспоминала:

— Да. Вала, вам завтра с утра в посылках, не забыли? А то у нас и сушки уже кончатся...

У них на пути, километрах в пятнадцати левее маршрута, был поселок Ермеусов. Воронов прилагалет все свернуть к нему, но Оксана не согласилась. Теперь посылки туда Гореву. Это на целый день, конечно, но зато тут да обратно. Они и раньше так делали, заходя на продукты, если попадались на пути деревня, и ничего особенного в этом не было, но сейчас Горев подумала, что от него просто хотят отделяться.

— Хоропю,— сказала он сухо.— Я помню.

И вдруг образовалась, решила, что это кстати—побыть денек одному, не видеть их, и не слышать, а то уже просто немолоту. Все раздражает: как едят, как сидят, как смеются, что говорят. За каждым словом чудилась ему теперь фальшь, в любой фразе и шутке было какой-то тайный смысл. Он все время как бы переводил их слова про себя, молча отвечал им. «Вот мы, бывало, в армии...»— значила, например, Воронов, и Горев тут же готов был заорать: «До чего надела ты со своей армией!» Сейчас, наивнннн, Воронов предлагала: «Засниватя, кто ля!» и Горев снова про себя отвечала: «Лой, поф, лнрик, нужен тебе эти послн!» Нет, так дымные нехалы, хорошо, что он уходит завтра, а то тебе здушн!»

Вечер был теплым, хотя днем проиола дождь и от земли тянуло сыростью. В костер валили елалки, но комары все равно мезал, здоровые и слабые. Воронов мыл миска. Потом до блеска вытира ил пучком травы.

два басом «Амалыаа я на избю.»— Оксана Семенова тоненько подпевала. Горев лежал на спине, курил трубку, смотрел на медленно выступавшие в небо звезды. Черт возьми, как все могло бы быть хорошей!.. Дуррак, же своей быть вдвоем и шептаться, а ему хочется быть утроем и шептаться. Вот как сейчас. А может, ничего нет, может, он все выдумал! Есан бы!..

Вспомнил вдруг прошлое лето, Крым, белые горы, их сумасшедший грузиник, на котором гондил вечером в Бачинсарай. Галечка, Галечка, Галечка... Как она его целовала, как падала, вдала его за собой тогда в пещере, а он скрежал, она сказала глупо: «Я не могу, я не люблю тебе, ты должна знать...» Дурчюк!.. Дурчюк!.. Она села тоже, опомнись, захлывала на груди рубашку, да, на ней была ражечная, в мелкую клетку рубашка с коротким рукавом и пуговицами доизну. Он, наверное, чего-то не понял тогда. Уже потом, зимой, в институте, она как-то вспоминала, смеясь, сказала: «Ты все-таки дуррак, Горев». Он ответил хитро что-то насчет того, что лучше, мол, быть честным дурраком. «Чем подлым умником!»— подхватывала Галечка и, усмехаясь, сказала, что это еще неизвестно, что он просто ханжа. А ведь он был прав тогда, в пещере, прав ведь, а! Как будто ему не хотелось быть с ней— да, но не так, зачем же просто так!.. Надо же быть амалыа, а не животными. Нет, он правнелю поступил, и теперь гордится, что так поступил. А Толя Воронову это, конечно, не понять. Ему вообще, наверное, все равно, кто бы ни подвернулся... «Чому я изи, кому изи на ляпю.»

— Все это прекрасно,— сказала Оксана Семенова.— Но завтра рано вставать, особенно Валентину!

— Да, можно и бай-бай!— сказала Воронов.

— Вы за меня не беспокойтесь,— ответила Горев.

— Я, собственно, не беспокоюсь, я вам даже не сказала, кажется, что вы зря лежите на сырой земле...

— Да, действительно, как же это вы, а?

— Да так уж, сам не понимаю, должен сооробать.

Горев быстро поднул голову, посмотрел, но в темноте, за дымом, не увидел ее лица, только фигура темнела на бревне.

— А-а!— он сказал это многозначительно и почти обрадованно.— Да, конечно...

Пелатка у них была одна, четырехместная, спали все вместе, покотом. Сейчас Горев подумала, пошла в палатку, взяла свой чехол от спального мешка. Это уже было, конечно, демонстрация, он понимал, но черт с ним, намек ведь тоже, как он думал, был довольно прозрачный.

— Ты чего?— остановила его Воронов, он тоже подошла к палатке.

— Так просто.

— Да ты что? Я не хочу. Комары сожрут, да и сыр...— Воронов говорила вынослала.

— Так ты спи себе там, кто тебя невоизит?

Воронов дуробавляла змхнула:

— Ну, ты сооробавляешь?

Горев отмахивалась, сказала твердо:

— Да ну, Толя, будет, чего там!..

Он сказал это громко, и Оксана, наверное, слышала. Он так и хотел, чтобы слышала. Пусть оценит его сооробавляемость.

— Выпелдривнесь!— сказала Воронов.

— Ну, а хоти бы я так!

Он решил лезть у костра, подальше и стал натаскивать елалки к тому самому бревну, где сидела за ужном Воронов и Оксана. Она теперь поднаслась и смотрела в темноту, что он делает.

— Вы что, на улице решили мечт?— спросила как ни в чем не бывало. (А Горев слышала, что Воронов подумала, решила, что не останеть! Это очень мило, конечно, с вашей стороны, но зачем же так сердито?)

— Есан это называется лаять...— вполне галантно пошутила он в ответ, а про себя чуть не кричала: «Да, да, и делайте там, что хотите, ну так и черт!»

— Ну-ну!— сказала она так же, как давеча Воронов, и это опять-таки означало: «Ну, смотрите, дайте мне, я хотела по-хорошему».

Она отодвинула Горев слышала, как они коротко сказали что-то друг другу с Вороновым, после чего Толя с возвращением пошел в палатку, и позволивших там, выбравшись наружу. Горев уже раскладывая, расправляла на елалки-е ланьяне чехол. Воронов подошла сюда тоже, несла мешок и одеяло. Он слышала постанав на бревно и тоже стала раскладываясь рядом.

Горев усмехнулась. Это ему уже нравилось. Это уже кое-что, если они его боится. Значит, он ведет себя правильно. Да и как можно иначе? Подхихкивать или, кто ли?

Когда легла и закурала, Горев смела сказала:

— Слышай, Толя, это, конечно, дело твоё...

— Чтё?— спросила Воронов нехотя.

— Ну все это, что происходит...

— Ну!

— Так вот, это дело твоё...

— Ну, мое... А тебе-то, если мое?

— Как?

— Тебе-то, говорю, что за печаль?

Горев приподняла голову и посмотрела во тьму, на близкий огонек папиросы.

— Вот что!— сказала он со значением.

— Ты как будто только что изничка вынулась,— ответила Воронов.— Все, понимаешь, романтика играет... Вот у нас во взводе тоже один был такой...

— Знать, просто не надо про арину, надело! И вообще, по-моему, все ясно...

— Да, Вальра, только псих. И всегда был псих. Понял!— Видно, Воронов все-таки не хотела спориться.

— Зато ты нормальный.

— Я нормальный.

— Слышком нормальный.

— Какой еще?

Горев, жадно стало в своем спаленке, он чувствовал: еще несколько слов, и он встанет, оденется и уйдет. К черту! Куда угодно. Он изсколка

выслушана...» Сейчас он еще скажет: «Пожина с мое, должны до мюх, тогда посмотрим, какой ты сам будешь...» Чем только не оправдывают люди свою поодость! А это ведь поодость, элементарная поодость, больше ничего. И ради чего? Ради чего надо обманывать самих себя, его, предавать, хотя бы ты же Лидочку! Они ведь не делают этого в открытую, прятаясь, самым стыдом. А потому стыдом, что поодость. А у меня, видите ли, романтика играет! Да и не была никогда никаким романтиком! Что за манера еще повывалась самую обыкновенную честность называть романтикой! «О, да вы романтик, идеалист!» Вот так же говорили ему зимой после иститутского комсомольского собрания, когда он вылез на трибуну и орал борьбу! Сейчас просто надо вылезть и не испытывать вневременной застенчивости при виде поодости. Это не мое дело, то не мое дело... Что ж, человек не вправе высказывать или хотя бы выказывать свое отношение к тому, что делается рядом? Да еще с людьми, которые не безразличны? Мне никакие люди не безразличны! Если я молчу, значит, потакаю: молчанье — знак согласия. А я не хочу потакать и не буду, потому что мне противно. Почему я должен замалчивать, если мне противно?

Да, было не только противно, но и обидно. Как будто обокрали. Все было так хорошо, так дружно и весело началось, он им верил, он видел в них людей, а они! Или он действительно такой дурак в свои двадцать один год, ни черта не понимает? Но что понимать, разве и без того не ясно!

— Валя, ты спишь? — позвала Воронов тихо.

Горев не ответил. Да, он спит, спит, говорить не о чем. Завтра он уйдет, и сделает тут, что хотится. Надоело. И действительно, хватил об этом, надо спать. Вон звезды какие. Чего стоит вся эта штука перед звездами? Зола. Пустынь...

Горев чуть повернулся и ровно, громко, чтобы Анатолию слышно было, задыхаясь, будто по сне... Две минуты такого дыхания успокоили его, и скоро он на самом деле заснул. Подумая еще немного о звездах, вспомнил «чему я из сока!» и заснул. Заснул и как будто тут же проснулся. Однако звезды над головой были уже другие. Он выткнул из мешка руку с часами. Третий час. А уснул, наверное, в двенадцать, в начале января. Было неравномерно тепло, но он сразу понял, что лежит вдвоем с одним. Мешок Воронова находился шагах в двух, до него было не дотянуться, но все равно можно не проверять: ощущение одиночества не могло его обмануть. От этого он, наверное, и проснулся.

Он тут же представил себе, что там сейчас, в палатке. И почувствовал, как его начинают бить дрожь. Он понял, что хочет знать наверняка, даже подробности, тот ли вылезти и босиком, крадучись, пойти туда. О чем они говорят, как они говорят, что можно говорить в их положении? Впрочем, какие уж там слова! Слова — это ведь средство человеческого общения... А может, Толя здесь? Может, он отошел по нужде и сейчас вернется и, крикнув, пошевельнется, шарнет в свой мешок!

Горев подождал.

Глухая, сырая ночь была вокруг, горько, едко воняла сырмь костром, в лесу, как всегда, что-то дышало, потрескивало, осмылало. Подняв голову, он напряженно глядел в сторону палатки и, казалось, различал там какое-то движение. Что-то белое осталось лежать на крыше палатки, и по этому белому он угадывал весь ее контур. Потом ему начавшая мерещиться, что это лицо или рубашка. Он все-таки вылез из чехла наполовину, дотянулся до локтя Воронова.

— Толя! Толя! — позвала шепотом.

Мешок Воронова был пуст.

Горев влез обратно в тепло своего чехла, закрылся с головой, съезжалась, чувствовалась, как его комкает. Сейчас была обидно, больше ничего. Дикая обидно. Хотел плачь. Что за люди! Ну что за люди! Ну почему так? Видеть же, чего это ему стоит, неужели нельзя быть хоть капельку добрее?..

Утром, чуть свет, он ушел в поселок. Воронов похрипывал в своем мешке. Оксана тоже не проснулась, хотя он у самой палатки осторожно высыпал камни из своего рюкзака, чтобы нести в нем хлеб.

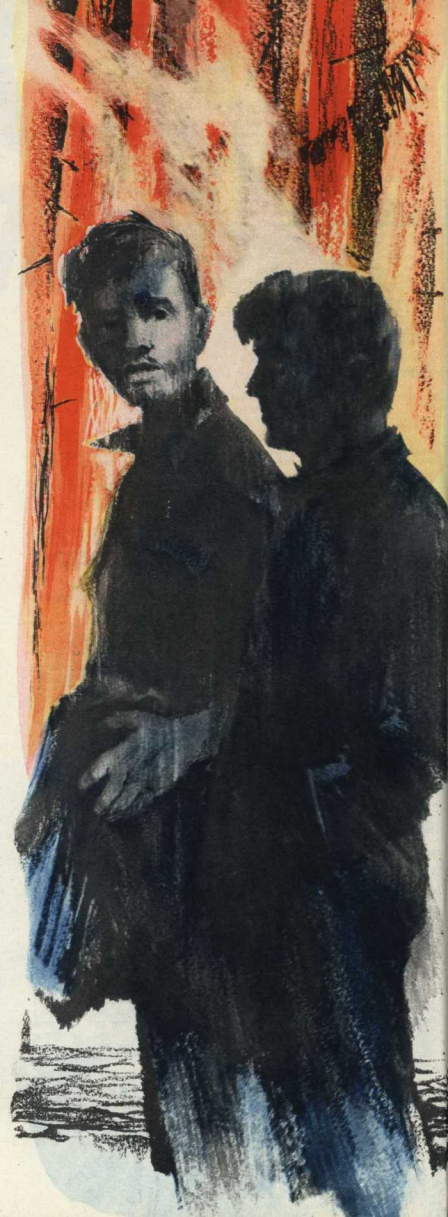
●

Странная вещь — свобода. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Что там общество! Между двумя тремя людьми, которые живут изо дня в день рядом, делают одну работу, возникает такое множество связей, зависимостей, отношений самых разнообразных и неожиданных, что каждому в отдельности нельзя уже и думать о свободе. И чем крепче эти связи, тем меньше свободы. Надо быть или совершенно равнодушным друг к другу, что, впрочем, невозможно в маленьком коллективе, или испытывать то или иное уважение человека к человеку, которое дает только понимание и любовь — вещи, как известно, редкие. Только тогда возможна свобода. А если нет ни равнодушия, ни уважения?..

Это было похоже на ночной студенческий спор в общежитии. Горев снова и снова перебирал в голове эти не новые и в его внешнем изображении, в том, как и к чему он их применял, наивно (он сам это чувствовал) высказывая истину. Но его это успокаивало и даже убеждало как будто. Вынув записную книжку, он наскоро записывал то, о чем думал.

Он лежал на боку на вершине двенадцатиметровой скалы, на теплом, заросшем плотным мхом камне, на самом краю. Он едва вскрывался сюда. Ни за что не полез бы, даже на паре, если б не нужно было. Но работа есть работа, и он лез и швырял сюда за собой мерную ресьму. Никогда никакой опасность и страх не мешали ему работать и делать то, что нужно.

Он должен был дожидаться здесь Оксану Семеновну, которая ушла к следующей скале. Сава боту, они много работали. Да зарываться работа, которая все может вымочить! Горев сил рубашку и подложил под локоть, чтобы было удобнее писать. Сейчас ему было легко. Вот она, свобода-то! Когда лежишь один на скале, а вокруг виден весь мир километров на двадцать. В последние дни он вообще старался как можно больше бывать один. Это помогало. По крайней мере он чувствовал себя опять членом маленькой трудовой группы, а не человеком, от которого прятался, который может что-то узнать, помешать. Он, усмехаясь, называл теперь себя «домклом меч».



Он очень уютно устроился на этом месте. Матке луч солнца греет голую спину, уютно отдаваясь. Он решил раскурить трубочку и оглядился. Тага, тага. Зеленое нуру. Все удивительно чисто и ясно. Сидит и спирав промоздлится скалы, далеко слева в дымке виднелись митки котургу увалов, в средях них, как стаи, поблескивали длинные пластинки озер. Среди зелени, словно нарваные простыни, гребенями, земляная палы — стерших лес. Впереди, далеко, поднималась, как из труб оставившихся паровозов, два конуса — дым лесных пожаров. Это было как раз на их пути — через дель-да подходат к пожарам вилотую. Хорошо, если пожары не разойдутся. Тага, тага. К самым скалам тово подлозая, карабкались по скалам, как они только что, деревья, но им подломом была тежка, и бо-вняги кобралась на карнизы и выступам таким изумручными, что даже моту-чий кедар не в силах был подняться с четвернее. Кричали кобчики. Пах-ло летным разогретым маем — еловым и смолстым духом.

Горев писал карандашом, острозконом: чернилами в авторучке эконома поднимать образы. — и пока раскуривала трубку, этот образное кузав-то мотривалась. Он искал, искал его, пошваривая мотрук, так и не нашел. А он еще хотел отмахнуть ту, ожидая начальнику, письменною Гору Сане. Надо же хоть как-то душу излить, кому это все рассказывать! Мол, мы с тобой, Санька, дружки и идеалисты, на свете все просто, и права твои, Санька Альбины, которая в свои шестнадцать, смеется над нами, когда мы начинаем что-то всерьез говорить о любви. Да, он ей написал веселое, ироничное письмо, без нытья. Что ныть, в самом деле.

Он вспомнил вышедший утренний разговор. Толя после завтрака, за которым Горев не слышал ни слова, сделала важное лицо и произнес торжественную речь. — и пока раскуривала трубку, этот образное кузав-то мотривалась. Он искал, искал его, пошваривая мотрук, так и не нашел. А он еще хотел отмахнуть ту, ожидая начальнику, письменною Гору Сане. Надо же хоть как-то душу излить, кому это все рассказывать! Мол, мы с тобой, Санька, дружки и идеалисты, на свете все просто, и права твои, Санька Альбины, которая в свои шестнадцать, смеется над нами, когда мы начинаем что-то всерьез говорить о любви. Да, он ей написал веселое, ироничное письмо, без нытья. Что ныть, в самом деле.

— Горев! Валя!

— Это Оксана Семеновна кричала снизу. Он пригладился, нашел среди зелени ее голубую косынку, помахал рукой. Жаль, конечно, но надо ныть. Он оглядел тагу еще раз, задержав взгляд на пожарах и с трубой в зубах, завывая руками рубяки на шею, сделав из рубяки как бы плащ, нашивая, стал спускаться.

— Стихи писали или дневник? — спросила Оксана Семеновна, когда он подошел. Она ждала его, сидя под ливневницей, разув одну ногу, запуская руку в сапог, видимо, нащупывая там гвоздь.

— Неужели похоже, что я могу стихи писать? Что у вас там?

— Гвоздь. Да два сразу, кажется... Ну, а почему!

— Давайте я, может? Горев взял у нее еще теплым сапог и так же запустил в него руку. — Да, ничего себе, как же вы ходите?

Он стал оглядываться, ища камень. Оксана протянула ему свой молоток на данной руке.

— А я писала стихи. И дневник тоже. Довольно долго. Лет до двадцати пяти. А вы ведете дневник?

— Нет, никогда этим не занимаюсь. — Горев поставил сапог на бутри-стивый корень, привалив колокот, вступил молотком. — Что-то не похоже на нее, чтобы стихи писала. Если только в альбоме «Юм-Юм», начинается альбом, хихи, начинаются стихи...

Оксана Семеновна чуть откинулась, оперлась спиной о ствол, скрестив ноги — одну босую, другую в сапоге, — усмехнулась.

— Да, а я писала. Тетрадок пять осталось. Сидело.

— Очень! — Она как будто обрадовалась. — Очень! — Он опять усмехнулся. — Не верится, наверное, да?

— Ну отчего же! — опять сказал Горев. Он перестал колотить, снова запустил руку в сапог и не глядя на Оксану Семеновну.

Потом, когда с Горовым было покончено и Оксана Семеновна обум-ля и подползла, а Горев стоял, ожидая, она спросила у него за спиной:

— Вы как будто за что-то сердитесь на меня, а?

— Что вы! — было и быстро сказал Горев. — За что ж мне на вас сердитесь!

Удивительно, но даже хорошее, свободное было у него сейчас настроение! Давно такого не было. Он повернулся к ней и смотрел прямо, внемле-ливо, чуть склонив голову. Она как-то странно усмехнулась. Он не понял, чему она усмехается. Она должна была бы смеяться под его взглядом, растеряться, а она смеется. Ну да бог с ней! Потрескал.

Третий день воювало по лесу дым: спереди разрастались пожары. Солнце мутно глядело с неба, и было что-то зловещее в его желтом, как бы черес-через свечении, в криках уходящих от пожара птиц, и испуганном шорохе стелющихся по веткам машин, какой-то другой живности, сплывающей от огня. Два раза слышен был рокот «аннушки», видимо, облетающей зону пожара. Дым, дым — дым и дым. Белые волокна осторожно выплывали из лесу на поляну, где стояла палатка. Руки, спальные мешки, хлеб — все пропиталось торфяно. Но, однако, пожары были довольно далеко, ждали, что все переместится, и потому не ухаживали, не спорачивали в сторону, продавая работ.

Оксана Семеновна говорила, что ничего, страшно, каждое лето так бывает, работать можно. И они работали, как прежде. Только в дым. И вдвоем: Воробов забоял, два дня не ходил в маршрут. Оксана и Горев возвращались до того, как загорелись, что едва хватало сил, чтобы постель. Она кашляла, лица темные, глаза красные: дым разледал глаза...

Кажется, Воробов и Оксана оставили в эти дни друг друга в покое, во всем случае Горев нечего такого не замечал. Да если и было — напыль-вать, он успевал думать об одном и все время был в напряжении.

Случайно он заснул, как убитый, после ужина, забравшись в палатку, а она осталась сидеть у костра. — он услышал разговор, вернее, конец разговора.

— Подождите! — вот первое, что доносилось, когда он проснулся. Это была голос Воробова. И где-то совсем близко замерли шаги. — Ты не так ныла...

Горев впервые слышал, что Анатолий называет ее на «ты». И тут же сон как рукой сняло, он напряженно прислушивается. Это нервно, обострен-но состояние возникло уже как будто помимо его воли, он не понимал, что это — три минуты — то, как замарает, слушает, ждет, как начнется колотить сердце...

— Что это она там у него не так поняла, о чем они?

— Господи, что тут понимать! — сказала Оксана. — Не дети же, слава богу.

— Бу-бу-бу... что-то обижено прогудел Толя.

— Не люблю, когда начинают кручуряться на пустом месте. — Это опять было сказано очень отчетливо.

«То, как она с ним, — мезьком отменял. Горев рад был, что про-снулся, и слышал этот разговор, и даже не вспоминал, что Оксана и Горев сидят и привник к брезентовой стенке, чтобы ничего не пропустил. Толя, види-мо, оставался у костра, а Оксана была где-то рядом. Вот она заекалась, и кашляла, оттопала, видимо, опять к костру. Слышно было, как звякнула чашинка, кружка. Пока она пила, Воробов спит что-то бубнил, не разбо-рчив...»

— Ерунда! — ответила она громко. — Просто я баба, сама обыкновен-ная баба, вот и все...

«Что-то вдруг произошло. Горев не сразу понял, что именно, но произо-шло. С ним. Не там, не в нем, а с ним. У нее было тон, каким она с Горе-вым, например, никак не говорила. Это был разговор взрослых людей. Его как будто отбросило. Он растерялся. Он словно в одну секунду умень-шился и оказался маленьким мальчиком. Он всегда считал себя взрослым и, уж во всяком случае, думал, что все понимает. Сейчас у него было такое чувство, как если бы он подслушал разговор матери и отца. Они говорят, он слышит и понимает, но дело маленькое, его не спужет, и лучше оно не лезть, не показывать даже вида, что слышал. Это было очень отчетли-вое, ясное ощущение разницы: они и он, он и они.

В одну минуту он увидел себя, каким был на протяжении последнего месяца: худатым, вялым, презрительный их обонял. На взгляд папу пока-зывал свое пресновосстество. Тыду, черт. Он — что-то не понимал! Чего-то главного? Как же так? Он не имел права лезть не в свое дело? Почему он хотел их научить... Черт, какой стыд! Как будто они без него не знают, что там у них и как. Ну да, конечно, сам он все равно был так не поступил, но почему другим вмешиваться надо поступать, как ему кажется правильными? На то они и другие. Смешно.

И дело даже не в этом. Дело в том, что он выгладит жалким, худатым дураком. «Барышня, прив которой — ах! ах! — нехорошо вырвалось... Но ведь вырвалось! Вырвалось. А ругаться — это испривило. Господи, как стыдно, как стыдно стыдно... Не могли и действительно хаять! И как и этого раньше не понимал! Почему! — Вдур! захотелось тут же выбежать от ним, засмеяться, сказать, чтобы они не обращали на него внимания, что он просто дурак... Э, нет! Он-то дурак, пусть, но они-то все равно от этого не чини...»

Он услышал, как Воробов вдруг сказал теперь что-то насчет молотков: «где молотки, или «вот молотки». Горев сам отнес их к ручью, полонка замочат. Завтра они опять уйдут с Оксаной в маршрут. Толя останется. Воробов копать, может, придет, наконец, у него живот за три дня. Дог-воряться надо за три дня, надо торпиться, черт их знает, эти пожары, как они себе помнят! Да-а-а...

Оксана Семеновна тоже говорила теперь что-то насчет карты, продук-тов: какие положить продукты. Все эти дни они ходили налеге, а завтра опять придется тащить тяжелый рюкзак, ружье, чайник... За три дня будет, наверное, удобный случай поговорить, он ей даст понять, что ему все равно, пусть не думает, не думает уж он думает, а то и так, а то и считает его идиотом. Это она не зря тово, должно быть, спрашивала тогда насчет стихов и дневника. Ну, конечно! И с подковышкой, видимо, спрашивала, а он, кретин, не понял, продолжал изображать из себя да-мочеслав мист. Сидящую ую и стамбулю. Ну, да, конечно, довольно. Завтра в маршрут — и все. Портялки постиранные, молотки замочат, ружье вычи-щено, как у юного пионера. Все в порядке. Спать. Еще бы шепер...



Рисунки О. ВИНОВА

Он не успел достроить шалаш, ливень обрушился сразу, плотный, в грохоте грома. Непрестанно бешали синие и розовые молнии. Последние ветви набросили ко-как, накинута сверху еще прозрачную длинную пластиковую штору, вроде скатерти, которая у них была с собой, забилась, уже мокрая, подмалтывает дождю, горит от палящего своего строения в расщели, палишь в ливне и дымом пламени.

Шалаш пробую тут же, динно закалаво, только под этой пластиковой покрывкой и можно было спастись, и они сидели тесно, прижались плечом к плечу. У Горева так и остался топор в руке, а Оксана Семеновна все продолжала смеяться, как смеются заснувшие дождю. Пусть ляет, не жалею промокнуть! Было только семь часов, но потемнело почти-ночиному, и молнии били одна за другой, и в их бешеные прямые струи стекляно вспыхивали то синим, то красным. Все скрывало вокруг в водяном дыму, только слышно было, как гудит под ливнем тайга. Оксана Семеновна ступила с головы мокрую косынку, волосы ее распались, она подобрая их кверху, как тогда на отряде у Камених. Ливень у нее торчал, и глаза было темно, только с каждым ударом грома она пригибалась, и видно было, что боится.

— У меня мать говорит: грозы грешники боится...  
— А я греша, батюшка, грешна.— Она потешно перевертелась.

Оба дна, что они находились в этом мариуте, они вот так разговаривали: опять шутливо, легко, подтрунивая друг над другом, как в самом начале. И это было здорово — и он и она чувствовали, что здорово... Думал, что ливень промлетя и кончится, но не тут-то было, они сидели минут сорок, ожидая, а дождь не зтихал. Откуда только браался его смел?

Он открыл банку тушенки, поел, откусил сахару. Дождь уже как-то не радовал. Надо дождаться семи часов, но потемнело почти-ночиному, и молнии били одна за другой, и в их бешеные прямые струи стекляно вспыхивали то синим, то красным. Все скрывало вокруг в водяном дыму, только слышно было, как гудит под ливнем тайга. Оксана Семеновна ступила с головы мокрую косынку, волосы ее распались, она подобрая их кверху, как тогда на отряде у Камених. Ливень у нее торчал, и глаза было темно, только с каждым ударом грома она пригибалась, и видно было, что боится.

— У двоих никак не хватает... — сказала Оксана Семеновна.  
— По очереди придется... — отгетла Горева, и что-то ему вдруг стало не по себе.

Шалаш они поставили на взгорке, под высокими елками, эс уходил дальше вверх по склону сопки, а кинула ша небольшая ляминка с высокой травой и еще ниже ложбина, чуть заросшая молодняком... Там Горов рубил ветки для шалаша. В этой ложбине сейчас вошло гудела вода. Трава на поляне померла в одну сторону, как мокрые волосы, и видно было, как подбегают средн трава ложбине вниз потоки.

Горев вдруг сообразил, что делать.  
— А, все равно, была не была! — крикнул он и в секунду стаяну рубашку. Оксана Семеновна не успела крикнуть «э ума ни сошла!», как он выскочил под дождь и начал ступать и злился, перелазил по камням, то-то-то-то! Умо-умо! Он вопил, что есть сила. Оксана, сканчившая за голову, хохотала, кричала: «Ой, умру!». Он прыгал, дела стойку на руках, катавался в напешной воде врозь.

— Хватит! Хватит! — звала Оксана и махала из шалаша припотевенным ему полотенцем.

— Ты это был Амур! Он растерся, глатула отодвешав пластмассой водки из флажки и, отшутившись в своем спалынке, закурил, чуть не заурчал от удовольствия. Вот эти жизни!

— Сейчас бы на танцы завалился, гулять всю ночь! — сказала он. Оксана Семеновна, согнувшись, пошла на колени, устранилась.

— Ты все еще не смеял! — отгетала она. — Поднягитесь! А лучше, разлезая, как барни!

Он сповхатился — подвинулся, по отгетал тут же стало тлокать: кап-кап, кап-кап...

Он отгетнулся, слышал, как она раздается — рубашка, сапоги, брюки... как бормочет:

— Черт, все мокрое, как завтра надевать!...  
И вот тут он услышал, как начинает чистить его сердце...

Голова Оксаны Семеновны была совсем рядом, он слышал ее дыхание. Дождь вдруг пошла сильнее, громко бил по прозрачной ляминке.

— Ну! — сказала они разом. Горева у нее было по-прежнему веселый.

— Ты, ладно, спокойной ночи. Терзан Иваныч! И перестань уж дамить, ради бога!

— Да, прости. Спокойной ночи! — сказала он поспешно. Пожлауй, сминком поспешно: она умоляла и чуть отстранялась.

— Ты же сказала соню и она, как жемчужно, скоро заснула.

А Горов не мог спать. Нет, он совершенно не мог спать. Он чувствовал, что происходит нечто странное. Просто странное. По-настоящему. Он лежал, затаяв дыхание. Все его прекрасное настроение исчезло. Он слышном ясно понял, что ему хочется. Он снова и снова представляла себе, что и как он сейчас сделает. Это являлось очевидным его. Больше того — осознано, обоудно, раздало, перевернуло, растопило. «Как же так! — говорила он себе, не в силах остановить ни одну мысль... — Как же так! Я, выходит, такая же смелая, что ли! Почему это? Что они со мной сделали? Я ведь не хочу. Не хочу!..» И он снова видел, как она лежит сейчас здесь в одном кулыванке, а может, и не в кулыванке, и если он протянет руку, вот так, чуть-чуть, он коснется ее, да, он может протянуть руку, как бы случайно, во сне, а чехол тонкий, совсем тонкий...

— Но что же это? Разве он не чувствовал а к ней безразличности и презрения, разве она хоть чуть-чуть похаж на ту женщину, девушку, которую он мог бы любить? Неужели это сильнее всего, и ничего не стоит ни презрения, ни уважения к самому себе? Нет, это чудовищно! Можно с ума сойти. Но разве не она сама виновата? Неужели она может спать? Значит, ей все равно, она ничего такого не думает... Но я-то, я-то! Дамокол ведь Ох-ох-ох! Нет, я должен уйти. Встать и уйти. Нет, я буду спать, мне холодно, я придувшись ближе, вот так. Нет, мне жарко. Я только коснусь ее, и все, потому что я не могу так больше...  
— Чего ты делаша? Горева? Ты понимаешь, что ты делаша? Ты представляешь, как она будет на тебя завтра смотреть! Но я только коснусь, вот так, и все, вот тут же палец, да... Он дышал очень спокойно, соню и

как будто случайно, во сне, забросил руку, и она не пошевельна, не услышала, и он оставил руку, и, наверное, прошло еще полчаса, прежде чем он подвинул руку с ее плеча чуть ниже. Нет, это было выше его сил. Если бы она сама, пусть бы она сама, и пусть бы смеялась и презирала пот, все равно. А он не может. Это не трюстик. Это ведь человек, в конце концов. Но где, где эта сила, которая позволила бы ему сейчас? Попробуй! Попробуй! Попробуй! Но разве дело в этом? Дело в том, что оно выналось, это желание, что оно есть, что оно побеждает...

— Она вдруг пошевельна и вздохнула. Это было, как гром. Кажется, никогда в жизни он не ощущал такого панического страха. Он не мог пошевельнуться и не убрал руку. Она повторилась в легла на бок, лицом к нему и злилась головой прямо в его плечо. Он замер. Неужели она не спит? Неужели она идет на помощь? Он прислушался. Нет, она спала. Это доверенное движение — головой в плечо, это ровное, тихое дыхание, запах мокрых волос... А он, как бандик с ножом, как вор... Но почему! Откуда это? Разве он хотел! И разве виноват? Он и не давал никаких, и тут же Галева у Крыму сам отгетился от себя, разве не так? А теперь вот что это? Он до боли закусила пальца, галава во тьму и удар, впервые за два, наверное, или три часа, услышала, как шумит, не слабеет дождь.

Потом он уснул. Ему слышался воле. Тысячи каких-то новых бомб, узких и длинных, как осульки, с шумом дожда летели прямо на него, а он лежал на земле, распластавшись, лицом к небу, и не мог пошевельнуться. Излучения неотвратимо тискали было таким слышным, как бывает только по сне. Он был бесцельна, а бомбы неслись с бешеной скоростью. Конечно...

— Валя! Валя! — Оксана Семеновна встревоженно звала его, трясла за плечо — Валя, проснитесь, что с вами!

— Валя! Валя! (После этого она сказала, какое соню!)

— Вы так плакали! — Она дотронулась до его лица, и он тоже сразу испуганно провела ладонью по глазам. Лицо было мокрое, и на губах соевые слезы. И стало так жалко себе, что он не удержался и опять всхлинул. Как маленькая!

● В избе было накурено, слыно, и хотя на дворе еще не стемнело, хозяйка, тощия молодой мужик, уже пьянчужий, разговорчивый, велел же нести лампу. Амбу поставил на стол среди бутылки, консервных банок, мисок с кашей. Он изверко отгетился от себя, разве не так? А теперь вот что это? Он до боли закусила пальца, галава во тьму и удар, впервые за два, наверное, или три часа, услышала, как шумит, не слабеет дождь.

Потом он уснул. Ему слышался воле. Тысячи каких-то новых бомб, узких и длинных, как осульки, с шумом дожда летели прямо на него, а он лежал на земле, распластавшись, лицом к небу, и не мог пошевельнуться. Излучения неотвратимо тискали было таким слышным, как бывает только по сне. Он был бесцельна, а бомбы неслись с бешеной скоростью. Конечно...

— Валя! Валя! — Оксана Семеновна встревоженно звала его, трясла за плечо — Валя, проснитесь, что с вами!

— Валя! Валя! (После этого она сказала, какое соню!)

— Вы так плакали! — Она дотронулась до его лица, и он тоже сразу испуганно провела ладонью по глазам. Лицо было мокрое, и на губах соевые слезы. И стало так жалко себе, что он не удержался и опять всхлинул. Как маленькая!

● В избе было накурено, слыно, и хотя на дворе еще не стемнело, хозяйка, тощия молодой мужик, уже пьянчужий, разговорчивый, велел же нести лампу. Амбу поставил на стол среди бутылки, консервных банок, мисок с кашей. Он изверко отгетился от себя, разве не так? А теперь вот что это? Он до боли закусила пальца, галава во тьму и удар, впервые за два, наверное, или три часа, услышала, как шумит, не слабеет дождь.

Потом он уснул. Ему слышался воле. Тысячи каких-то новых бомб, узких и длинных, как осульки, с шумом дожда летели прямо на него, а он лежал на земле, распластавшись, лицом к небу, и не мог пошевельнуться. Излучения неотвратимо тискали было таким слышным, как бывает только по сне. Он был бесцельна, а бомбы неслись с бешеной скоростью. Конечно...

— Валя! Валя! — Оксана Семеновна встревоженно звала его, трясла за плечо — Валя, проснитесь, что с вами!

— Валя! Валя! (После этого она сказала, какое соню!)

— Вы так плакали! — Она дотронулась до его лица, и он тоже сразу испуганно провела ладонью по глазам. Лицо было мокрое, и на губах соевые слезы. И стало так жалко себе, что он не удержался и опять всхлинул. Как маленькая!

● В избе было накурено, слыно, и хотя на дворе еще не стемнело, хозяйка, тощия молодой мужик, уже пьянчужий, разговорчивый, велел же нести лампу. Амбу поставил на стол среди бутылки, консервных банок, мисок с кашей. Он изверко отгетился от себя, разве не так? А теперь вот что это? Он до боли закусила пальца, галава во тьму и удар, впервые за два, наверное, или три часа, услышала, как шумит, не слабеет дождь.

Потом он уснул. Ему слышался воле. Тысячи каких-то новых бомб, узких и длинных, как осульки, с шумом дожда летели прямо на него, а он лежал на земле, распластавшись, лицом к небу, и не мог пошевельнуться. Излучения неотвратимо тискали было таким слышным, как бывает только по сне. Он был бесцельна, а бомбы неслись с бешеной скоростью. Конечно...

— Валя! Валя! — Оксана Семеновна встревоженно звала его, трясла за плечо — Валя, проснитесь, что с вами!

— Валя! Валя! (После этого она сказала, какое соню!)

— Вы так плакали! — Она дотронулась до его лица, и он тоже сразу испуганно провела ладонью по глазам. Лицо было мокрое, и на губах соевые слезы. И стало так жалко себе, что он не удержался и опять всхлинул. Как маленькая!

● В избе было накурено, слыно, и хотя на дворе еще не стемнело, хозяйка, тощия молодой мужик, уже пьянчужий, разговорчивый, велел же нести лампу. Амбу поставил на стол среди бутылки, консервных банок, мисок с кашей. Он изверко отгетился от себя, разве не так? А теперь вот что это? Он до боли закусила пальца, галава во тьму и удар, впервые за два, наверное, или три часа, услышала, как шумит, не слабеет дождь.

Потом он уснул. Ему слышался воле. Тысячи каких-то новых бомб, узких и длинных, как осульки, с шумом дожда летели прямо на него, а он лежал на земле, распластавшись, лицом к небу, и не мог пошевельнуться. Излучения неотвратимо тискали было таким слышным, как бывает только по сне. Он был бесцельна, а бомбы неслись с бешеной скоростью. Конечно...

— Валя! Валя! — Оксана Семеновна встревоженно звала его, трясла за плечо — Валя, проснитесь, что с вами!

— Валя! Валя! (После этого она сказала, какое соню!)

— Вы так плакали! — Она дотронулась до его лица, и он тоже сразу испуганно провела ладонью по глазам. Лицо было мокрое, и на губах соевые слезы. И стало так жалко себе, что он не удержался и опять всхлинул. Как маленькая!

Л. Болеславский — литсотрудник многогазетной газеты чучающей фабрики «За ритмичку работу». Ему 28 лет; окончил филологический факультет Харьковского университета. В местном издательстве у Л. Болеславского уже вышли две книги стихов: «Первая проталина» и «Ливни»; в центральной прессе он выступает впервые.

Лев БОЛЕСЛАВСКИЙ

## УГЛОВНИКИ

Мне дремоту комкая,  
Девушки из корного  
Над моею комнаткой  
Ночью  
Пляшут здорово.  
Слышу: в угол кто-то  
Ступ.  
Поволок.  
Как из пулемета  
Стук  
В потолок!  
Не слышна мне музыка,  
Но по ритму четкому  
Узнаю я «русскую» —  
Славную четкую.  
По утрам на лестнице  
Не узнают девочек —  
Шестую на лестнич  
С лицами учеными.  
Гордые успехами  
Сходит строго так,  
С толстыми конспектами  
В худеньких руках.  
Их хозяйка Павловна  
Стала ядрот моложе.  
Ходит павой плавнот  
Да и пляшет тоже.  
С ней оик, как с мамой,  
Делятся страданиям.

...А сплнзну эзанаем,  
Мчатся на свиданки!  
Допоздна попарно  
Где-то в парках бродят.  
Бережно их парни  
До дверей доводят.  
И, прощаясь ночью,  
Обнима крепче,  
В губы им и в очи  
Имена их шепчут...  
Но дожидан дробными  
Грустно плышет осеня,  
Но вагоны дрогнули,  
И пошли колеса.  
Тшина упала  
На мою кровать,  
И тоскливо Павловна  
Сгорбилась опять.  
Ванное вам вверено.  
Где-то вы, курносые,  
Стали инженерами.  
Но не стали взрослыми.  
Я люблю вас! Что же вы  
Сгхли надо мной!  
Что же не тревожите!  
Пляской озорной  
Что ж не беспокоите!  
Черт бы вас побран!  
Бекте же по комнате,  
Будто в барабан!

## СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Улыбаются двое: счастливый билет!  
А кондукторша юная, в синем берете,  
Так задумчиво

... самотрит и сморит им вслед:  
Ах, смешные, вы счастливы и без билета.  
И опять отрывает билеты она,  
А на свете — весна. Все пронизано светом.  
Почему же кондукторша очень грустна,  
У нее ведь так много

счастливых билетов...

## МОТИВ

Не припомнить никак мотива,  
словно щедрица у ног  
промелькнула в траве пугливо,  
лишь качнулись над ней цветочек.  
Безнаденно машу рукой,  
оставляю заботу эту,  
Но когда через день-другой  
до мотива и дела нету, —  
ядрот он сам, простой-простой,  
будничность нарушив,  
точно листоцка в гнездо,  
впарывает в душу.  
...Так и ты, мой главный мотива,  
мою жизнь, любовь и порыв.  
Среди звона монет, тарелок,

писка признанных канареек  
как я мучаюсь,  
... тебя забыл!  
Все мотива перебираю,  
а тебя переираю.  
Ничего, говорю, подождом,  
я не раз уж с тобой прощался,  
но всегда, словно птица в дом,  
сам внезапно ты возвращался.  
Ну, а ядрот ни в какой тишине,  
ни в заботе какой, ни во сне,  
как я жизнь свою ни заполню,  
не вернешься больше ко мне,  
коль сейчас тебя не запомню!

## МОНОЛОГ ЕВГЕНИЯ ИЗ ПЬЕСЫ «ВЫСОТА»

Я  
себя  
унижку,  
Я  
себя  
возвзашу,  
Я в себе унижку  
Подвал  
и  
крышу.  
Мой подвал глубок.  
Уже

на пороге  
Саериулись в клубок  
Мои порок.  
Вот здесь,  
Отрызаясь,  
В грязь,

лежат  
И спесь,  
И зависть,  
И завязь

люн.  
А дальше —  
Болани,  
А дальше —  
Болезни,  
Прошлые

басни,  
Пошлые песни.  
Они не останутся  
Тут  
Навек,  
Живут, тянутся  
Наверх.

...А какое высокое небо  
Над высокою крышей моей!  
Эге-гей!  
Я давненько тут не был,  
Где всегда я

спильней и умней.

И не зря же у сокола  
Зорче глаза,  
Не в грязь,

а высоко  
Копится гроза!  
Вдохновение здесь — как дымящее,  
И я сам становлюсь пред собой  
Как стремление,  
и презрение,

и бой!

Но пониже,  
под крышей,  
Меж подвалом и крышей,  
Обыденный субъект,  
Я,

и покою привывший,  
Замыкаюсь в себе.  
Улыбаюсь —  
уместно,  
Рассуждаю —

«с умом»...

Никому неизвестно  
О подвале моем.  
Но оттуда, где крысы,  
Где царит духота,  
Сивозь светелку — на

крышу

Как хочу я тогда!  
Улететь  
из мертвящего отдыха  
И забросить молчащую спальню!  
Мой риск

обращается подангом!  
Травинка  
становится

пальмой!

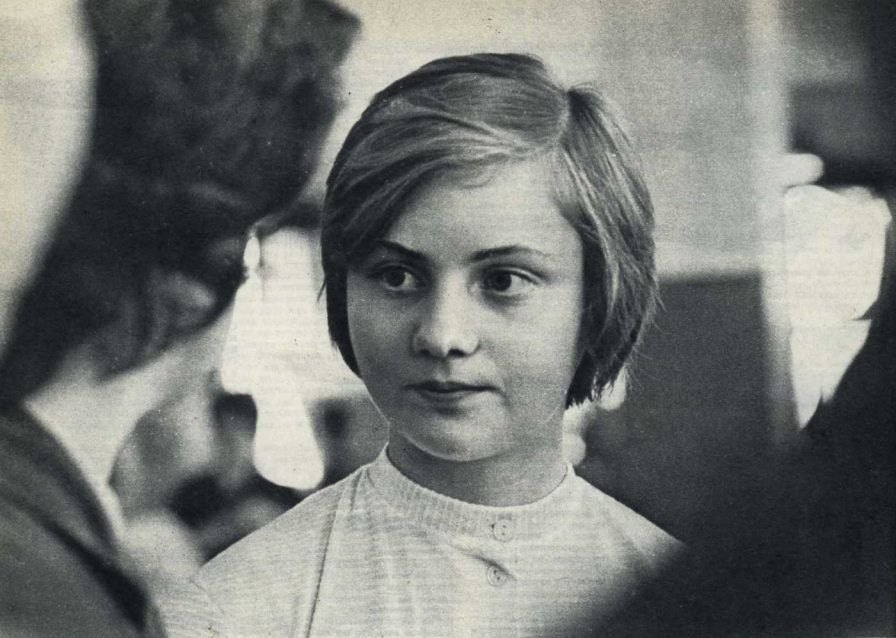
И искра

становится пламенем!

Кровинка

становится знаменем!

И я  
становлюсь  
под знамя!



**Романтик**

Фото В. ТЮККЕЛЯ

# ЧЕЛОВЕК



← Вот твоё рабочее место, Ная.

Наконец-то первый хороший шов!



# СНЕШИМ ЖИТЬ

Странное ощущение свободы и какой-то неопределенности уже который день не покидало Надю. Ее угнетала привычная обстановка маленькой уютной комнаты. И она забегала на улицу, оставив за спиной огромными корпусами строящихся жилых домов, тесно окруживших их осевший деревянный домик.

«Скоро и наш снесут», — без грусти думала Надя. И снова возвращалась к тому же, что мучило ее эти дни:

«Дому хорошо. Его не спрут. Возьмут и снесут. Построят новый. А за меня никто решать не станет. Делать самой, думать самой, решать самой... Независимо».

15 лет... Предстоит решающий шаг, который определит, по какому пути идти.

Есть категория ребят, которым ясна цель. И они через любые трудности придут к своему.

А большинство? Это просто школяки, не успевающие еще

повзрослеть в своих мыслях, в рождении своих идеалов.

Но у каждого взрослеющего человека настает момент, когда надо подумать: а что дальше? Надо остановиться и серьезно, добросовестно оценить свои способности, стремления, возможности. И осознать, что дашь ты людям, обществу.

Вот на таком перепутье оказалась Надя Волкова. Окончила восьмикласска. В 15 лет все кажется возможным. Хочется свершить такое, что удивлялись, радовались люди. Но где, в каком качестве?

...Отдел кадров московской трикотажной фабрики «Красная заря». В первую графу незнакомой новенькой трудовой книжки аккуратно вписывают имя: «Надежда Волкова». Начинается взрослая жизнь.

...Бригадир Варвара Ивановна протянула Наде книгу претастых лоскутков:

— Вот, первые дни на триках будешь шить.

Надя сжала губы: «Что же, я в кузлы сюда пришла играть? Неужто трусом не сошью?»

— Вот так, резко нажимай на педаль. Ровней держи руки, — терпеливо, спокойно, уже в который раз объясняла бригадир Варвара Ивановна.

Час и два сидит она около Нади. И наконец на-под рук у

девочки выходит ровная, красивая строчка.

Кончается смена. В шумном потоке Надя выходит из проходной. Кому-то улыбается, кому-то машет рукой — и быстрее дальше. Сегодня занятия в вечерней школе.

Человек спешит жить. Счастливых дней тебе, человек!

*Трудные минуты учебы.*  
(Снимок сверху.)

*После работы — всей бригадой в Измайлово.*

**А. ОСАДЧАЯ**



# ДО ЗАВТРА!

## РАССКАЗ

Я не знаю такого репортера, который зтайне не считал бы себя способным написать отчаянный роман или на худой конец сценарий для кино.

Я сам частенько подумываю о романе. В ванлке моей старенькой машинки появляется время от времени самая чистая, самая белая страница. И я захожу в приемник музыку, такую, чтоб по возможности способствовала раздумью. Музыка тихо играет, а я сажусь перед машинкой думать. И уже начинают брезжать глубокие мысли и обступают образы, как на обложке старого издания Александра Дюма, где романтист изображен с гусиным пером в руке и окружен свих героев, витающих в кучевых облаках.

Но самая чистая, самая белая страница остается нетронутой. Всегда что-нибудь мешает.

Так и на этот раз. Едва я успел выбить цифру «1», что, как известно, знаменует начало творческого процесса, за окном, во дворе, заорал ребята: «Генька, шабигу!»

Они теперь завелись до вечера. Прощай, мой роман! Не стану же я кричать в форточку, чтобы они прекратили это безобразие. Так не водителю между добрыми приятелями. А друзья мы с тех пор, как я подарил им кашку Саши Кузьева, моего лучшего товарища.

С тех пор они меня считают своим. С тех пор они играют у меня по окном, избрав именно этот уголок обширного двора, потому что настоящая дружба не может быть неблагодарной.

Придется опять отложить роман. Рассказка, пока не забылась, короткую историю с этой кашкой.

А история довольно забавная.

\*\*\*

Наверное, любой водитель троллейбуса может заставить машину быть послушным инструментом своих настроений, состояния духа и температуры. Иной раз машина становится даром похожей на дурную шню, гуляющую с детскими на солнце, в другой раз выполняет коммуналную сосиску, вставшую утром не с той ноги. Все имеет свои причины. В первом случае водителю, надо полагать, доволен всем на свете, пообедал, во втором — кончилась сигареты или была разговор с любимым режиссером.

И вот бы дальше разрабатывать эту богатую тему. Помню, например, эпизод, когда мне пришлось гигантскими шагами мерить чью ли не целую остановку, пока дверь не отступила мою новую шапку. Тонкая была работа!

Не знала я тогда, что это развлекается Саша Кузнев.

К сожалению, мы, журналисты, несколько преувеличиваем, думая, что знаем все.

Да, Саша Кузнев водил троллейбус. И он сейчас это делает, в чем легко убедиться, если вам придет в голову поднять глаза на табличку над дверью водительской кабины. Мне это в голову не приходило.

Водил он машину без особых происшествий. Поудля в микрофончик, обьявляла остановку, привзвала пассажиров оплачивать проезд своевременно и правильно. Быть может, чей-нибудь скучающий

взгляд, блуждая по несложному хозяйству водительской кабины, натакаивался на предмет несколько неожиданный. Но, с другой стороны, что тут неожиданного? Любительский свисток кивнул в углу смотрового стекла. Пассажир, если он склонен был пофилософствовать, замечал соседу: «Всюду жизнь!»

Смеялся, Саша забирал фотографию с собой. Подальше, уходя на тренировку. Саша переносил свисток в потайной карманчик свистка с белой каемкой свитера. На аде они тоже выходили вместе: карточка была вадежко спиртана под пластичными доспехами хоккеиста.

И ничто ничего не подозревал. Так думать мог только Саша. Вся команда, включая главных и массажиста, была прекрасно осведомлена.

Уверены были, что они встречаются чуть ли не каждый вечер. Полагали, что Саша грустит в тот вечер, когда встреч не было. Грустил и звал всех к себе. И команда должна была слушать ирландские танцы в трансформированном или застенчивом исполнении самого Саши. И ничего было думать включать хотя бы телевизор. «Сегодня, братья, там нет ничего...» — говорила Саша. В такие вечера он особенно не любил спортивные передачи. Он говорил, что не понимает, как могут люди, не умеющие отгадать кашку у шаб-бы, так бесовственно трепаться о спорте. Его раздражал голос спортивного комментатора, и он выключал звук. Конечно, гулловатый вид у человека, когда он вхолостую шевелит губами и жемолителничает, молча не бросая одну суламу вести всех в кино за свой счет. Но закон очередности соблюдался твердо. Отучившись на лестничной клетке, ребята с удовольствием слушали, как Саша в который раз принимался грустить тылами и застенчивым тонором, и находили, что вот так на безопасном расстоянии, Сашин голос даже приятен.

\*\*\*

Рассказывая, мне придется кое-что домосаить-представить, так что могло быть на самом деле. Повторяю, я многого не знал, хотя, как потом выяснилось, был фигурой не лишней в событиях. Илл, может быть, лишней?

Я чсто заходил к концу передачи в дикторскую ванную телецентра. Слыл и мерил на ногу, глядя на него свисающего не случайно, Борис Иванович и кто-нибудь из девушек готовился вести передачу последних новостей, в то время как другие разбирали почту.

Почта в адрес дикторов приходила боьшая. Курьерша, выслыная на стол груду конвертов и откатрок, говорила: «Наелайте, девочки, вишь сколько опять выстроичан женьжи!»

Больше всех получала писем пышиноволосая Татьяна. Ев писали из всехких частей и почему-то из строительно-монтажных управлений. Читать нужно было все письма. За этим строго следил Борис Иванович, верно, оттого, что сам писем не получал. На так называемые романтические извинения, жалем успеха в труде, в учении и в личной жизни.

Нине писали преимущественно писенеры-ребятишки. Была она малевкая и светлоглазая, и старики проникались к ней чувствыми жалоставаниями, а дети считали своей. На письма Нине от вечаля сама, звонила по аткекам, размысливая герсоло, уговаривала поэта выступить в такой-то школе. Ее искренне огорчало, когда аттеки отечивали: «Нету, — а поэт ссылаясь на творческие планы, всажывая тем временем шаگرد от спорта и чем оно, ну, прочее, не подозревая. Были у нее какие-то свои Дарья Константиновичи и Петры Архиповичи, о которых она трогательно класяла. Борис Иванович ставил в пример ее работу с письмами. Дикторши выказали, что он совершенно прав, поддхиваяли Нине чсто своей почты.

Но однажды и Нина получила письмо, весьма похожее на любовное признание. Татьяна перобросла его через стоа: «Это тебе. Очень мило. Яй каждый день разговариваю с тобой, но ты меня не слышишь...» «Очень мило. Только почему-без подвоха. Посмотрим!».. Нина сказала: «Нету, — но письмо взяла. Я видела, как оно ея прочитала, собралась было бросить в корзину, но потом разглядела и спрятала.»

И в тот вечер, подальше, в скверчик, вместе сша домой. Мы чсто вместе шли домой почти, что нам по дороге.



Рисунок В. ЮДИНА



Нина была чем-то взволнована. «Неприятности!» «Нет, что вы. Просто жаль одного человека. Трудный случай...» Я рассовтала ей обратиться к юристу. «Правильно вот все», «Пожалуй», — согласился Александр.

Мы шли и болтали. Я говорила, что не понимаю, как может она в ее годы так скучно жить: «Ручаясь, что даже не влюблена!» Почему бы ей не скучать, например, на хоккейной площадке? Это еще интереснее, чем вылезать. «Вы так уверены?» «Еще бы!» Я сказала ей, что на диван будет просящийся хоккей. Мне поручили вести репортаж, и она может посидеть в моей кабинке, все пойдет, потому что по ходу игры я все объясню. «Видела, как как треплет молодого нападающего Саши Кузнецв?»

Мне показалось, что Нина слушает с интересом. Она даже переспросила что-то.

Но на хоккей она не пойдет: не сможет. Так мне объяснили. «Попроси Ольгу Константиновну или Сергухову? Я вам столько о ней рассказывала. Так вот она пишет...» Я не помню Ольги Константиновны из Сергухова. Но на всякий случай спросила, не от нее ли получила сегодня письмо? «Она», — сказала Нина, — вы удивительно догадливы.

Я проводила ее, как всегда, до подъезда и пошла домой. Снег медленно опускался на улицу по светлым тропам фонарей. Опять позади меня на противоположной стороне переулка поскрипывали чьи-то сапожки. Как будто кто-то шагнул и кто-то заподдале шага, когда я, проводив Нину, шла домой.

Весь день Саши ждала встречи. Когда на экране появлялась Нина, их встреча начиналась. Все, что она говорила, казалось Саше необычайно увлекательным, но он никогда не мог запомнить ни слова из того, что она говорила, и, когда соседка спрашивала, как она поживает, он говорил, что Саша издается брови: «Кто ее знает...»

Он ждал, когда Нина скажет: «Доброй ночи, до завтра!» — и спешит на улицу. Он приходил вовремя, но не мог опоздать и все же боялся, что придет слишком рано. В последние недели на другой стороне улицы, напротив проходной центра.

Она всегда появлялась неожиданно из проходной, и Саша, подняв воротник, быстро шел в обратную сторону с идеей через десяток шагов вернуться к знакомому входу на Нинину.

Он шел по другой стороне улицы, глядя, кто из его болельше всего занимало, на темные витрины магазинов и рекламные стенды.

Мы прощались с Ниной, а уходя, он оставался. Он еще долго торчал там, напротив ее дома, пла свечившись, пока не так свет на втором этаже, в третьем окне от угла. «Доброй ночи», — говорила он. — До завтра.

Но если б Саша хоть раз оглянулся... В окне опять вспыхивала свет, в третьем, если считать от угла, на втором этаже. И светилось это окно очень долго. Потому что у этого человека всегда оказывалось много нужных дела, которых никак не тебя сделать не может. Серезка, сонный и теплый, неоднократно ворочался, хныкал: «То гасится, то зажигается. Мне спать надо, ребенок все-таки». Нина, говоря, и Нина, говоря, слеза ребенка. «Ника», — бормотала брат, — там на столе билеты на хоккей. Может, не пойдешь? У Витки билеты нет, не достали...» «Еще что придумал», — говорила Нина. — Витку мы и так протрясли...»

Нина прибавляла забой. Рыцарь все было прощаю. А теперь это письмо... «Я каждый день разговариваю с тобой, но ты меня не слышишь. Сейчас мне предстоит одно большое дело. Мне хочется, чтобы ты знала: я тебе посвящаю то, что задумал, и весь успех, какой у меня будет...»

Конечно, это он, кто же мог еще? Что задумал этот странный, тихий парень с поднятым воротником, который уже много недель, в холода и в сырое, ходил следом и потом прислышался, заперевшись, напротив ее дома, думая, что никто его не увидит. Да, рыцарь было притче. Потугивая свет, и он уходит. Теперь что делать?

Надо поговорить с ним, надо. Еще решится на какую-нибудь глупость...

Человеку, кто висит вот здесь в застекленной рамочке, кажется, совсем невзгод. Каким у него зовом, сильное лицо, сколько уверенности и отгаив в этом броске вперед... «Вам, Александр Кузнецв», — говорит Нина застекленной рамочке, — ничего такого не понять. Я имам, кто заговариваю каждый день, но вы ничего не слышите».

Снег падает косяк и колкий. Два с реки ветер, едва не сбывая с ног.

Нина отпросилась у Бориса Ивановича: «Понимаю, у меня отчего-то хрипота. Просто не знаю, отчего хрипота второй день».

Борис Иванович поспеетла покатать гороа и немедленно лечь в постель. «Ни о чем не думайте. Справимся без вас отлично. Сегодня на весь вечер спортивная передача!»

А потом она бесконечно прислышалась там, в неглубокой толпе дверей спортивного дворца. Наплета попрыгав злой ветер, но это было совершенно все равно. Куда-то запропастился Серезка с биатлетом!

Потом они сидели тесно на самой макушке трибуны, и Нина была тут, чинившая из выжидания. «Классно проделали!» И Нина, когда началась матч, сказала ребятам: «Первый свист — и я вас поймаю... И, конечно, они свистят так, что мелкой дрожью трясется соседка, а Нина шептала в два пальца и кричала: «А-а-а!» и «О-о-о!» и обвила колочку Серезкину голую, когда наши забиты первую шайбу.

Да, это была матч! Я, вышедший внады, метался в своей кабинке, спиш графин с водой. Им очень хотелось победить. Им, профессионалам мирового класса, и Нина была тут, чинившая из выжидания. В восторженному реву толпы, нужна была только победа. Я видел, как их тренер, крупноголового, седоватый человек с глубокими шрамами на лице старого гладыря, улыбался страшно, застывшая в злобой, пологий трепетный взгляд. Серб, словно сам хотел броситься на лед, киваяши от накала борьбы.

Черное и красное, красное и черное сблалось на невероятной скорости. Шайба носилась бешено, появляясь по временам в борты раскалывавшим осколком мины. С сухим треском сталкивались клюшки, белые брызги ледя вспыхивали на немалых выржах.

Сначала нам пришлось плохо. Уже два раза трюбною гайку багровила за нашими воротами. У этих трюбных была тактика звероного прыжка: они бросали издаале шайбу к воротам и молнио рвались следом, тараня защиту...

Но что я рассказываю! Безнадежно передайте словыми хоккей! В современном сларе нет поджоганных слов. За скрин от страсти призывов: «Шайбу!» И это, пожалуй, единственное слово, которое было нужно. И еще было слово «Саша!». Когда оно вдруг возникло! Думается, в тот момент, когда Кузнецв при счете ничейном в секундах, выскочил на толпой вничью время, получив шайбу у наших ворот, вел ее к воротам терьеров. Шайба была словно приклеена к его клюшке. Я видел его лицо и понял: сделает, не может не сделать того, что задумал!

«Кто-то пытается догнать его, кто-то бросился в ноги... Саша выткнулся в прыжке, упал, вскочил, рванулся к «пяткачу» перед воротами противника. Где-то высоко под куполом гулко взорвался лампа, и град мелчайших осколков сыпанул на лед. Я видел, что в огромном зале не дышит, что уже несколько мгновений стоит на цыпочках тишина. Тупой визг коньков, звон скрестившихся клюшек... Я протер глаза: мне почудилось, будто там, на искромсанном аду, на белом поле рыцарь подана на льды вспрыгнувшего коня; будто, выскочив, искал меня о меч, еще выше!»

Не хватало только прекрасной дамы. Но вот и она! Чуть девичий голос, сильный и чистый, крикнул с макушки трибуны отчаянно, весело: «Саша!».

Я протер глаза. За синей канадской вратари влетела сетка. В чудотворный миг у ворот побед мелчайшая клюшка Саши Кузнецва! Гоа! Гоа!

Рослый парень катился на коньках по льду, поштуквая желтой клюшкой. Его тряска ребята, свирнула даже шамок. За рывком, тысячелетский, счастливым.

Конечно, он должен был сказать несколько слов перем микрофоном. Я думал так: запишем голос на пленку и потом передадим в спортивных новостях.

В раздевалку мы едва пробрались. Наверное, не пробрались бы, если бы помог Юрий Власов. Он шел подвизать ребят, а когда он идет, можно не сомневаться, что он победит. Мы за ним, как за коридорчику, с удобствами.

И тут случилось нечто странное. Саша Кузнецв, зная меня, сделала явную попытку ускользнуть. Когда это вышло, вопреки отказам говорить, смотрел, как я рассовтала. «Что за деркасто! Мне стыдно за тебя. Но Саша знает, что не может дать интервью, поскольку занимается с детьми, есть такая работа».

«Что было делать? Огорченный, я шел к нашей телевизионной машине. Группа хоккеистов догнала меня, протиснула мимо меня. Саша Кузнецв сказала, покосившись на меня: «До чего же люблю, когда прислышался...» Кто-то шипула на него: «С ума сошло!».

Настурение у меня испортилось крепко. Как было и сейчас после передачи по детскому? Борис Иванович отнесши выговорил Нину: «Зачем причмалась с нашим гороа? Хотите все потерять голос!» Нина оправдывалась с явной хрипотой: «Я думала, стало лучше». «С чего бы?» — говорила Борис Иванович. «Вы же не лечили нас». «Вот и я думаю: с чего бы?» — выдыхала Нина.

«Она почему-то была грустна. И мы опять вышли вместе. Я не удержался, пожаловался: «Работать, не выходя из дома, кому как?» «Как прощала матч?» — спросила Нина. «Вельколенно!» «Этот ваш болельщик, Кузнецв, кажется, была, конечно, на высоте?» «Да», — сказала я, — на высоте. Боюсь только, завязав парням. И я все же думаю, что Саша хотел...» — сказала она Кузнецву — светило! Куа ку нам, простым зрителям...»

«Как всегда, у подъезда мы попрощались. «Не принимайте все это близко к сердцу», — сказала Нина, тряхнув головой».

Но знаете, что самое забавное? В тот вечер, едва я пришла домой и, немного отдохнув, села перед телевизором, увидела, что по экрану телефор Мужской гола попросила разрешения прийти. «Очень надо. Вы сами не понимаете, как надо...» «Что ж, приезжайте!» Я назвала адрес.

Открыл дверь, я не узнала голос: поднятый воротник, свит на лице, на плече. Тоже какой-то смик шайбу и пойма! «Что вы хотели?» — сказала она. — «Сказал он. — А то сегодня меня один раз уже протрясли...»

Мы долго сидели вдвоем, и в первый раз я, разговаривая со спортсменом, не села в руки разговора мужской блоахоты. Он, Саша, был честен и прав. Сказал, что здорово меня не любит. «Она протряла меня», — сказала он. — Как жист?» Спросила, трудно выговаривая слова, будто и впрямь зынка, так да я ее люблю, чтоб была она всю жизнь честной!

Кто протрял и кого я люблю, черт мне побери! Я склывался за голову, ничего не понимаю.

И он мне все поведал. Сегодня после матча он тоже был там, где всегда бываю вечером. Когда ушла, Нина вдруг вышла из дома и прямо направилась к нему. «Вы мне писали», — сказала она, — не отпирайтесь!» И улыбаясь: «Как смешно почудилось, по-оветински...»

Потом всмотрелась, вскрикнула: «Уходите! Это вы!» Завыл вы здесь? Уходите!»

Мы вели серьезный мужской разговор. Я сказала ему, что Нина действительно очень милая, симпатичная девушка, но я ее не люблю, в том смысле, вы, словом, он понимает...»

«Саша Кузнецв», — сказала она, — в таких случаях всегда расстается друзьями, удаются мне».

Неделю или две спустя Нина, встретив меня в коридоре лестницы, сказала, что, пожалуй, вышла бы время побывать на хоккее. «Говорит, это действительно интересно?» «Интересно», — сказала я. — Просто потянулось...»

Да, смешная история. Теперь, когда мне случается сидеть в трюбной рамочке, которая увидит Саши Кузнецв, машина вопреки правилам останавливается как раз у того дома, который мне нужен. Любительская, немного выцветшая от весенних лучей фотография по-прежнему в углуке смортого стола, и сам видо.

Саша Кузнецв подарил мне свою боевую клюшку, ту самую, которой была забита историческая шайба.

Я отдала клюшку ребятам. На что она мне? Ребята играют в хоккей, а я не играю, я лишь вынимаю не думая о том, что лед уже зарос сел, по черной раскис.

Вот, собственно, вся история. Каждый вечер мне о ней напоминает Нина, когда в конце передачи новостей Нина говорит: «Доброй ночи, до завтра!» кто ее видит: «Доброй ночи, до завтра!»

# ВЕРТЫ И КОВЫ ОРИДИ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с японского С. БЕРЕЖКОВА

9

Человек ввёл нас за собой вель вечер. Все той же походной инновина, спешащего по иридорам учреждения с палкой под мышкой, он без конца шагал по одним и тем же улицам. Раз он кому-то позвонил по телефону, дважды зашел в заведение «патинно», где один раз пробыва четыре часа, а второй раз двадцать минут. Больше он где не останавливался. Мы пришли и предположили, что здесь, видимо, задерживался женщина. Она обещала прийти и не пришла. Действительно, в таком возрасте... мне самому вот-вот будет столько же... человек оставляет надежду на счастливый случай. Ничего неожиданного для него на свете не остается. И у него больше нет необходимости для тратить энергию на бесцельное блуждание по улицам. Одна только женщина вносит поправку в эту закономерность. Человек становится смешным и банальным.

В конце концов нашим предположением оправданы. На свете редко случаются неожиданности. Оноло одиннадцати он зашел в магазин, позвонил по телефону-автомату и коротко с кем-то поговорил. (Ернин ухватился поглядеть и записать в блокнот номер телефона.) Затем человек сел в трамвай и сошел на пятой остановке. Вот, оказывается, куда он направился — в небольшой меблированный дом на задах торговой улицы. От остановки туда всего метров пятьдесят по переулку на стороне холма.

Человек останавливается у ворот и некоторое время в нерешительности оглядывается по сторонам. Мы тем временем покупаем сигареты в лавочке на углу. (За этот вечер в лавочке человек горит свет. В окнах второго этажа, в том числе в окне над подъездом, не горит свет.)

Прокладит некоторое время. Затем в крайнем окне второго этажа вспыхивает свет. На мгновение. Мелькает огромная тень человека, и свет гаснет снова. Из подъезда слышен стук туфель, слышен шаг человека.

— Табличку на двери видел. Там никого, как вы сказали. Имяно Кондо... — Он обвывает, тискает перевод дышан, присел на корточки в тени ворот... Примо мороз то конне-верше в жизни таное...

— Это там на секунду свет зажег-

— Ну да, там... И еще слышно было, как Улао что-то тискает...

— Вот в той крайней комнате.

— Ага, вы тоже видели?

— Странно как-то... На секунду вспыхнул и больше не загорается.

— Что тут странного? Довольно до девяти...

— Хорошо, если так. Я все боюсь, не заметил ли он нас.

— Едва ли... Нет, этого быть не может... Он бы где-нибудь залупил нас и бросил, а не привел бы сюда.

Мне, однако, стало как-то по себе. Мы поставили перед собой задачу установить имя и адрес этого человека, но ведь теперь все изменилось. Странности его здесь не имели смысла: он мог остаться ночевать. Мы оба почти не спали со вчерашнего дня.

Вдобавок мы ведь не решили еще окончательно, что именно он будет объектом эксперимента. Если это окажется удобным, можно будет

основным объектом взять женщину, а его рассматривать как объект вспомогательный... Я изложил Ернин эти соображения, и он согласился.

— Вот мы и добрались до женщин, правда, сансэй?

Итак, мы временно отступили. Дойдя до проспекта, я простился с Ернин и вернулся домой, еще держа на плечах ноющую от утомления голову. Жена рассказывала что-то о том, как полудал в школе наш сын, но я слушал аполуха, то и дело, словно в зную тумную цель, проваливаясь в дремоту...

Вчера я... Не могу объяснить это толком даже себе. Одним словом, работа над проектом, приемлемым с точки зрения комиссии, представлялась мне вчера так. Мы разрабатывали этот проект вдвоем с Ернин, тщательно скрывая это от остальных.

Затем комиссия официально утверждает проект, и тогда — только тогда мы доводим его до сведения всех сотрудников. Именно поэтому я позволил себе вчера пуститься в эту авантюру с единственным помощником.

Игнорировать здесь каную роль и то обстоятельство, что проект наслас на этот раз всего-навсего одного человека, величинны по моему мнению, не заслуживающей всестороннего исследования. И только ночью я понял, что скорую, обваливающую частную жизнь человека, пренебрегать нельзя. Вуда у нас времени, нетрудно было бы разработать обширный проект, но до следующего заседания

на следующий день я, разумеется, проспал и явился в институт в одиннадцатом часу.

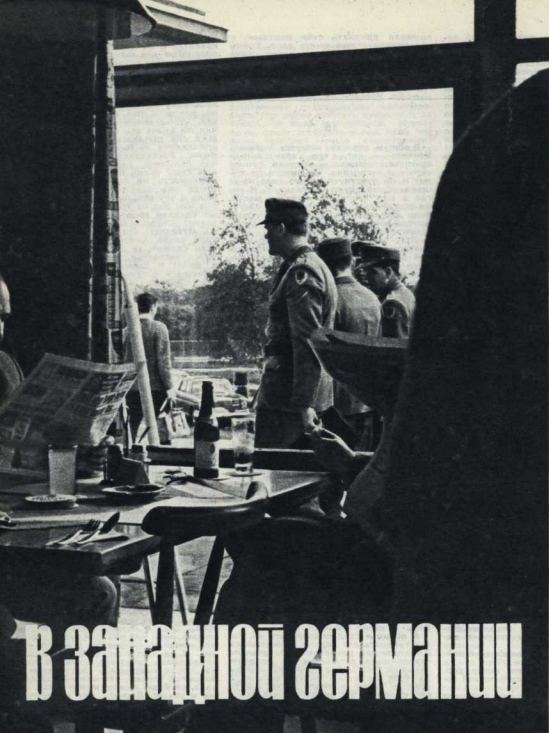
10

Продолжение. Начало см. в № 1.









# В западной Германии

Илья ЗВЕРЕВ

Фото Л. БЕРГОЛЬЦЕВА

*Я слишком мало был в Западной Германии, чтобы дать всеобъемлющий очерк ее жизни. Я этого делать не хочу и просто не имею морального права.*

*Но мне хочется рассказать о встречах и разговорах, о собственных моих мыслях и чувствах, вызванных этой совсем небезразличной для нас страной.*

Я получил открытку из Мюнхена. Милой и совольной рукой художницы, рисующей для собственного удовольствия, на ней была изображена молодая парочка — она и он. Это было извещение о помолвке и о предстоящем свободном путешествии в Москву. Рисовала сама невеста, а несколько обычных счастливых слов написал на обороте жених. Этот жених был Ули — мой недавний спутник по поездке от Ганновера до Нюрнберга.

Полностью его зовут Петер-Паул Андреас. И это правильно, что у него три имени: одним или двумя такому здоровенному не обойтись (я думаю, что его рост не меньше двух метров). Быстро сдружившись, мы сразу же стали звать его по семейному — Ули.

Ули ездил с нами — московскими писателями и

журналистами — скорее в качестве гостеприимного хозяина, чем гда. По профессии он физик, работает над проблемами плазмы и в нем в спутник попал по настоянию родителей — владельца туристической фирмы «Линдекс», опекавшей нас в ФРГ.

Он поразительно послушный сын, но боюсь, что до известного предела. Плазму на наследственную коммерцию он, кажется, все-таки не променяет. Ули даже не очень старался притворяться гидом. Ставлявсь с туристскими красками Шваби или Вестфалии, он с комическим изложением в «Беденкере», чтобы справиться, какую именно легенду овеян данный замок и какая именно квартировала на такой-то скале...

Но при всей нашей любви к природе, при всем почтении и злман и седим легендам, главным желанием, приведшим нас на Берга Рейна, было желание понять, что же все-таки там сейчас происходит, чем живет эта страна, столь сложно с нами связанная исторически. И в этом смысле лучшего спутника, чем Ули, нам не мог бы послать и сам немецкий бог, австрийский, по-немецки добросовестный, пунктуальный и дорожащий маркой своей фирмы.

Всю дорогу мы мучили его расспросами: «А что думать?», «А как отнестись?», «А что чувствуют?». И он отвечал почтливо с научной добросовестностью, положенной физиком, потом, войдя в азарт, со студенческой торжественностью. Даже ночью в пышных гостиничных коридорах, перед дверями своих апартаментов, даже в минных ресторанах, где на нас с недообрением поглядывали какие-то путешествующие иностранцы, даже под торжественными сводами храмов мы продолжали, уже шепотом, «досказывать» свои точки зрения.

«Господа, я купец!» (Ули говорил обычно экспотат.) И наш милый спутник вдруг искренне восхитился гением какого-то курцине сына, за три года ставшего миллионером и владельцем многих кироводческих ферм, ресторанов и кабанов.

С Ули было сложно. Он ненавидел, впрочем, презирал нацистов и из Бандитского фронта. Но, человек послевоенного поколения, он воспринимал все это уже сквозь ту самую «призму» времени, которая своим сверстникам не требуется. Он воспринимал Гитлера как некоего давно канувшего в небытие злодея. Примерно так, как мое поколение воспринимало, скажем, какого-нибудь Николая Кровавого или там Столыпина.

Ули был умен и любознателен, назван и непредвзят, влюблен в свою Баварию, но полон добродетельства ко всему прочему миру. И еще он был спортивен (отличные показатели по скоростному спуску в Иксбруке, правда, не на «Белой олимпиаде», а просто так). До такой трогательной степени спортивен, что, сам поругивая американцев, мне это делать решительно запретил. Сказал, что с моей стороны это «неспортивно» — порочить основного соперника.

А иногда он внезапно замечал, что рабочее время давно истекло и, чувствуя себя, как говорится, в своем праве, кидался уже нас расспрашивать. Вопросы были все большие по морально-этической части: «Что должен делать динамичный советский человек, если он хочет разбогатеть?», «Каким путем коммунисты решают проблемы свободной любви?». Иногда он спрашивал и менее остро: «Представьте себе, что вы — директор одного советского предприятия. И вот ты хочешь выгнать свой инженер...»

Словом, он желал постичь мир социализма. И, как потом рассказала мне матушка Ули, он так и озаглавив свое письмо домашним из Ганновера: «Отчет об социалистическом лагере «Грандотель».

## 1. ОКНА С ВЫПУКЛЫМИ СТЕКЛАМИ

— Я понимаю трудность вашей миссии, — торжественно сказал нам Ули, какеще, на второй день знакомства.

— У нас нет никакой миссии, — ответили мы. — Ну, пожалуй, — снисходительно улыбнулся он. — Скажем, трудность удовлетворения вашей жажды познания. Очень не просто понять чужую страну, тем более такую.

И тут, вроде бы вне всякой связи с предыдущим, он сказал, что в Баварии кое-где есть традиция вставлять в окна выпуклые стекла: из дома все видно, а в дом не заглядывают, как-то расплывается.

Мы в своей полной мере ощутили символический смысл этого похода брачного союзника из области топографии... Хорошо отлаженная туристская машина такела нас куда положено. От старинного собора в Майнце к дюссельдорф-



Ули: Ну, Илья, как тебе нравится этот старый Мюнхен?



но шит. Чтобы убедиться, достаточно читать газеты — мюнхенские, франкфуртские, дüsseldorfские. В частности «Бильди ам Дэйне националь унд зольдатең-цейтунг». Достаточно слушать министров из Бонна. Достаточно посмотреть, как часто на дорогах, особенно же в Баварии, встречаются громадные зевящие машины Бундесвера (и еще чаще — американской армии). Думаю, что это проблема. Вдвоем проблема. Недаром двое из молодых людей, с которыми я беседовал на тему об этой вооруженной силе, где служба теперь обязательна, тонко улыбаясь, переводили разговор на плоскостопие — это вечное приближение не желающих убивать и умирать на войне.

Нет, нет, нельзя сказать, что страна без проблем. Проблем хватает. И прогнорных...

И нам совсем не просто было в этой уютной, зеленой, ухоженной стране. Добрый Ули каждый вечер торжественно и серьезно спрашивал нас: «Ну как, господа, ведь правда, вы опять сегодня не видели ничего такого угрожающего и реваншистского? Не правда ли, господа?»

Нам совсем не просто было ответить. Ули одним каким-нибудь словом. Длинная и тягостная цель ассоциация возникла за всем, во всяком случае, за многими, что мы встречали там.

Ули искренне расстроился, когда мы настояли на том, чтобы, нарушив заранее составленную программу, проехать в Даху.

Мы вновь и вновь вглядывались в лица немцев — молодых и немолодых людей страны, gostеприимно и широко принимавшей нас помните ли? Все ли помните? Понимаете ли гибельность,

противочеловечность на просто Гитлера и компании, но самой философии нацистского фашистского взгляда на мир, уничтожающего и убивающего человека, любого, и немца и немца!

В 1944 году я ездил в Донбасс по следам зондеркоманды СС, видел извечные из шатенных столов траурные, злые лица, почти сплюснутые под огромным давлением «горы тел»...

Я видел после войны самые ужасные гитлеровские лагеря смерти, включая тысячекратно проклятый Освенцим с его апокалиптическими горами десятих туфляк, зубных щеток, кос, отрезанных убитых... Но в Даху меня поразила простой умывальник рядом с печью крематория, буквально в двух шагах от ее жерла. Я подумал, что под этим эмальированным умывальником чистоплотные палачи мыли руки после сожжения тысяч и тысяч. Что перед этим млдвенческой рукомышкой Понтия Пилата!

Я смотрел на сосредоточенно, искаженное стыдом, болью и негодованием лицо Ули (он был в Даху впервые). Я видел, как он едва заметно кивнул, увидев в автостазе лезущего огромным портрет Гитлера с выколотым кем-то глазами. Я снова и снова смотрел на него: понимаешь ли!

Мы не хотим, я уверен, никто из нас не хотел бы видеть, как немцы во искупление злодеяний Гитлера, преступлений ближних или дальних своих соотечественников до сих пор носим бы вериги и жили среди руин сорок пятого года. Но мы не могли не вглядываться в лица.

Честное слово, как знак доброй надежды мы принимали всякую примету этой памяти, этого понимания. И когда слушали рассказ знаменитого дüsseldorfского врача про то, как был ослеплен немецкой аудиторией профессор Хогган, американский негодяй, пытавшийся по-смерти обелить Гитлера... И когда слушали школьные истории мюнхенской девочке, описавшей, как ее соученик, подло высказавшийся насчет этих еврейчиков, был заkleпан бойкотом и всего класса. И когда мы стояли на большой и всепоглощающей в Мюнхене, названной теперь именем брата и сестры Шолль, сражавшихся против фашизма...

Обербургомистр Дюссельдорфа г-н Йозеф Мюллер, почтивший нас приемом в ратуше, сказал, окончив официальный церемониал:

— Я не могу не думать о мире, не беспокоиться о нем — я воввал в России и у меня семеро детей...

Я обязан засвидетельствовать, что никто из наших немецких собеседников — и из тех, с кем мы познакомились в соответствии с программой, и из тех, с кем разговорился случайно в ресторане, на бульваре, просто на улице, спросив дорогу, — решительно никто не высказался в пользу новой войны или ядерного самоубийства человечества.

Но я покрывлю душой, если скажу, что это обстоятельство показало, скажем, мне лично, сколь-нибудь надежной гарантией западногерманского миролюбия.

Ведь реальность же неоспорима и Зевбом, потребовавший признания мюнхенского позорница законным юридическим актом. Министр Зевбом! Впрочем, про Зевбома я прочитал в газетах. С глазу на глазу мне с ним не пришлось беседовать. Но вот чему я, как говорится, свидетель: карта, простая туристская карта, которой никто не снабдил для удобства путешественника. На ней западные земли Польши были обозначены как анекдотические, находящиеся под иностранным управлением... Разве это клочок бумаги не динамит, разве он не заглушит самые миролюбивые речи! Ведь это захват на пересмотр границ, на новый передел Европы, на войну в конечном счете.

Не могут такие вещи не бросать мрачную тень на наши представления о Западной Германии. В Ганновере я видел какой-то обелиск — торжественный и тажкоповелный. На цоколе его был вытбит хорошо известный миру германский орел с венком в когтях. Внутренность венка высоблаена — там была свастика. Ущерблены на камне очень явственно, их не замазывают; видимо, еще не решились, что поместить в венке на ножку.

Перебирая вновь пестрые, подчас противоречивые свои западногерманские впечатления, я почему-то снова и снова вспоминаю этот вакантный веночек.

### III. ТОЛЬКО НЕ ПРЕДВЯТОСТЬ

На прощальном вечере, устроившем в доме родителей Ули, было много гостей, я думаю, человек пятьдесят или шестидесять. Поначалу очень

Терновый венец Даху.





сложно было разобраться, кто есть кто, хотя хозяева заблаговременно вручили нам список со всеми титулами. Но пойдя угадуй, кто представи- «Ди Цейт», то специалист по паранормальной и трансцендентальной мистике, кто юрист, а кто модная романтичка, побывавшая при двадцати пяти, кажется, королевских и великокняжеских дворах (я не подозревал, что столько вообще еще осталось на свете!). Но в конце концов разоб- рались. И я до хрипоты спорил с язвительным радиодиктором, смеялся остроумно популярного артиста, героически улавливал до паранормального, желавшего во что бы то ни стало узнать, почему мы недооцениваем сверхъестественные явления, в частности спиритизма.

Но, поначалу всего этого, весь вечер, то затухая, то вспыхивая вновь, шла острая и равно для всех интересная дискуссия. Это была дискуссия нинало- не благодушия. Фронт ее простирался до по- литической погоды и современного искусства до ядерной проблемы и московских мод.

Среди гостей было несколько людей, «все заране- не знавших наперед». Это было написано на их скачущих лицах, это звучало в самой тонально- сти их вопросов, как правило, содержащих в се- бе и ответ. По-моему, мы для них были как бы не мы — Козловский, Абрамов, Давалов, Кожи- на — а некие абстрактные символы «противопо- стояния» сил. Один из таких гостей долго смеялся с сатанинским смехом, услышав, что я не являю- сь членом партии. Другой, рабзиной, черныш, с русским именем, с украинским акцентом и интернациональными глазами, отчаянно и громко хаял емициза, что еще хуже жидизма. Он как-то умудрялся одно- временно беседовать во всех пяти или шести кружках, дискутируя о том и о сем. Он то- же все знал про нас заранее, так что было чепуха- нито, чем вызвано бурное его любопытство.

Но в большинстве все-таки — что бы они там про нас ни думали, чего бы ни начитались в га- зетах и книжках — тут были люди, готовые слу- шать, спрашивать, разбираться, думать, «смотры- профессор-инимк Эгон Виберг, писатель Зигн Зоиммер, директор зоопарка Цолль...

Многие из гостей говорили, что собираются в Москву. Кто по коммерческим делам, кто по ли- тературным, кто просто из любопытства. Нам ос- тавалось только благословить и одобрить это их намерение. Потому что наш собственный опыт, а вообще-то, был неплох: представления о ФРГ приобрели живые очертания.

Совершенно ни к чему, что все наше и все в нас направлено на встречу с людьми из Западной Германии (в конце концов, и нам самим далеко не все у нас так уж нравится), но всякий непредв- зятый человек непременно увидит главное: мы хотим мира, мы не хотим зла никому народу на свете, у нас предостаточно бед, свидетельствую- щих неопровержимо, что мы есть. Так что пусть едут, пусть смеют.

Что же касается «все заранее знающих», то мы пришел на память тотчас и как бы даже символический эпизод. На пресс-конференции в Дюссельдорфе мы и наши немецкие собеседники с сожалением говорили о слишком малом и отрыв- вочном взаимном знакомстве писателей, журнали- стов, интеллектуалов вообще. И вдруг подыкаясь одна бойкая, розовая победительная дамочка — не могу отгадать себе в удовольствии назвать ее и- мя: госпожа Кальтвассер из «Рейнише поста», — встала и безапелляционно заявила:

— Нет, у нас вашу страну очень хорошо зна- ют, а уж литературу тем более.

Мы осторожно поморщивались, кого именно из русских писателей она имеет в виду.

— Горького, Евшенко, — сказала розовая г-жа Кальтвассер сразу; потом, подумав, прибавила: — Достоевского «Идиот», Карла Маркса «Коммуни- стической манифест».

Все вежливо засмеялись. Мы думали: она шутит, но она не шутила. И Ули деликатно обратил вни- мание госпожи на то, что Карл Маркс скорее немец, чем русский.

Перед самым отъездом, в Нордберге Ули пока- зал нам строится в магистраль Вест—Ост, «Запад—Восток». Опять символы, ось дороги символы. А это, пожалуй, самый лучший. Дай бог, как говорится, чтоб не в ядерные силы с участием Бавендера, а в магистраль эту Запад— Восток вложила силы Запада и Германии. Не то- лко о прямом смысле. В переносном еще важнее! Слишком многое зависит от этой магистрали. В частности будущее моего друга Ули, и его милый наследие (ве тоже живут Ули), и их будущих де- тей, и детей их детей — все, решительно все...

# ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

Приглашаем читателей «Смены» принять участие в восьмой традиционной шахматной олимпиаде.

Редакция ула пожелания участников предыдущих олимпиад, а также новых чи- тателей «Смены» и несколько упростила программу соревнования. В нынешнем году олимпиада состоит из трех туров: 1. Решение композиций. 2. Проведение шахматных турниров новичков. 3. Викторина.

На выполнение каждого задания участникам дается поцтора-два месяца с момента выхода в свет соответствующего номера журнала. Это позволяет принять участие в олимпиаде читателям из всех районов Советского Союза и даже из зарубежных стран. За- метим кстати, что участвовать можно и во всей олимпиаде и в любом отдельном туре.

Определение результатов сохраняется прежние: самая высокая оценка по каждому разделу — 20 баллов, максимально возможное достижение по всей олимпиаде — 60 баллов. Редакция и жюри прислет участникам олимпиады все решения и ответы давать в полной шахматной форме, указывая необходимые варианты. В своем первом письме расскажите о себе: кроме фамилии, имени и отчества, сообщите домашний адрес, воз- раст, профессию, место работы или учебы, разряд, по шахматам (если имеется). На ко- верте необходимо ставить пометку «Из шахматного «Смены». На шахматном «Смены» по каждому туру посылается только одно письмо: никакие последующие дова- ления и уточнения не будут учитываться.

Победителю каждого тура награждаются дипломами «Смены». Участники, набрав- шие наибольшее количество баллов в сумме трех туров, объявляются призерами вось- мой олимпиады «Смены», им будут вручены памятные подарки.

В жюри VIII олимпиады «Смены» входят другарства чемпионы СССР гроемистрей Виктор Корной, заместитель председателя Всесоюзной шахматной федерации мастер Лев Абрамов, международный мастер по шахматам среди женщин Ольга Игнатова, мастер Юрий Гусев и Александр Чистяков, редактор шахматного отдела «Смены» мастер Виктор Александровский.

## ПЕРВЫЙ ТУР. Решение композиций

В этом разделе участникам олимпиады предлагается разработать и решить шесть композиций: четыре задачи и два этюда. За верный, обстоятельный ответ, в за- висимости от степени трудности той или иной композиции, будет засчитываться от двух до четырех баллов (в случае, если кто-либо из участников обнаружит любое решение или нерешиваемость композиции, он получает такое же коли- чество баллов, какое полагается за пра- вильный ответ).

Последний срок отправки писем на первый тур олимпиады — 30 МАРТА 1965 ГОДА (по почтовому штемпелю от- правления).

Дебютантах наших олимпиад, тем, кто впервые попробует силы в решении ша- хматных композиций, полезно запомнить

следующее: 1. Выполняют условия зада- чи и этюда обычно белые, если ни дела- ет первый ход; цель игры черных — по- нис маневрируя защитой. 2. В задаче не- обходимо найти мат в строго определен- ном количестве ходов, в этюде количество хо- дов для решения не обусловлено, нужно лишь указать путь и достигнуто выиг- рышного хода, или ничейного положения. 3. В отличие от практической шахматной партии в композиции не бывает фигур- статистов (за исключением иногда бело- го короля); каждая фигура или пешка имеет какое-то назначение. 4. Шахмат- ная задача или этюд — художественное произведение. Поэтому решение композ- иций всегда должно с оригинальной идеей, красивой комбинацией, неординар- ным тактическим ударом или тонким ка- ннером.

### ЗАДАЧИ

I  
Белые начинают и дают мат в два хода (2 балла).

II  
Белые — Крс2, Фг5, Лс1, Сс3, Кс3, Кс3, п. а4, а5, б3, с4 (10 фигур).  
Черные — Крс2, Лд7, Сс3, п. 44, д6 (5 фигур).  
Белые начинают и дают мат в два хода (3 балла).

III  
Белые начинают и дают мат в три хода (4 балла).

IV  
Белые — Крс2, Фг7, Лс5, Сс3, Ч1, Кс4, п. а2, а3, б3, б3 (9 фигур).  
Черные — Крс3, Лс8, Лс8, Сс7, Кс2, п. а5, а6, с4, с2, с6 (10 фигур).  
Белые начинают и дают мат в два хода (4 балла).

ЭТЮДЫ  
I  
Белые начинают и выиг- рывают (3 балла).

II  
Белые — Крс6, Лб5, Сс2, Кс3 (4 фигуры).  
Черные — Крс8, Фд2, п. а2, б2 (4 фигуры).  
Белые начинают и делают ничью (4 балла).

## Отзовитесь, друзья Андрея Попова!

Дорогая редакция!

Мы, пионеры и комсомольцы Колобовакской средней школы, хотим знать как много больше о Герое Советского Союза Андрее Ивановиче Попове, бывшем ученике нашей школы. Во время Великой Отечественной войны он участвовал в боях на Калининском, Брянском, Северо-Западном, 1-м Прибалтийском фронтах.

Может быть, товарищи, которые вместе с ним учились в летном училище или воевали, напишут нам об Андрее Попове, о его подвиге.

Андрей родился в 1923 году в селе Чувье-Алабрыне, Уваровского района, Тамбовской области. В 1939 году его семья переехала в Московскую область. В 1940 году он учился в городе Ногинске в летной школе, а потом — в Севастополе. В апреле 1944 года Андрее Попову было присвоено звание Героя Советского Союза. 23 июня 1944 года он погиб. Вот и все, что нам о нем известно. Если можно, поможете, пожалуйста, наше письмо в журнале «Смена». Мы надеемся, что друзья Андрея Попова откликнутся на нашу просьбу.

С искренним приветом  
пионеры и комсомольцы Колобовакской средней школы,  
ст. Тучково, Московской области.

## ВАМ НУЖНЫ НОТЫ?

Прозвучит по радио или в кинофильме новая мелодичная песня, и в редакцию придёт сотни писем, в которых читатели спрашивают, где найти ноты и текст понравившейся песни. Многие юноши и девушки играют на различных музыкальных инструментах, их интересуют ноты-самоучители для игры на баяне, аккордеоне, гитаре, фортепиано, а также книги по теории и истории музыки, учебно-педагогическая литература для музыкального самообразования.

Анатолий Лысаков, рабочий г. Куйбышева, спрашивает редакцию, где он может приобрести репертуар произведений для исполнения на шестиструнной гитаре.

Студентка Криворожского горнорудного института Любовь Зайцева не может найти слова и ноты песни А. Бабаджаня «Не спешит».

Большой выбор музыкальной литературы для пения, самоучители для игры на фортепиано и на народных инструментах предлагает магазин № 102 «Ноты-почтой» (Москва А-171, 1-й Новодевичинский пер., д. 4). В этом же магазине продаются специальные сборники «Песни радио и кино». Для танцевальных коллективов есть книги с описанием танцев и нотами.

Магазины бесплатно высылают каталоги имеющейся в продаже литературы.

Заказы выполняются в самый короткий срок наложенным платежом, то есть деньги уплачиваются в местном почтовом отделении при получении заказа.

В адрес новских частей ноты высылают после того, как магазин получит деньги за ноты и пересылку. Заказы по адресу «до востребования» не принимаются.

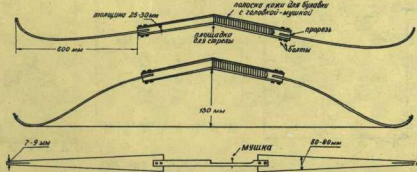
## ЛУК И СТРЕЛЫ

В № 21 «Смены» за прошлый год была помещена фотопереписка «Лук и стрелы», в которой рассказывалось о таком интересном, хотя и малоизвестном виде спорта, как стрельба из лука. Просим рассказать о правилах соревнований, а также дать совет, как самим сделать «вооружение» — лук и стрелы.

**А. БЕССМЕРТНЫЙ, В. ДОСУЖИЙ, Э. ТОЛДЫКОВ**  
г. Тернополь, Днепропетровской обл.

С такими же вопросами обратились в редакцию А. Пономарев (г. Липецко, Тульской обл.), М. Ворончихин (Пристайский совхоз, Таврического района, Краснодарской области), В. Металов (с. Крутицы, Палеховского района, Ивановской области).

Мы попросили ответить на эти вопросы одного из авторов репортажа, мастера спорта И. Н. Зайцева. Вот что он рассказал:



## КУПИТЕ СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ!

С 1957 года в нашей стране размырываются денежно-вещные лотереи, радиющие, когда нам «везет», а порой приносящие разочарование.

Редакция публикует письмо из г. Барнаул от читателя «Смены» О. Новикова, который хочет знать: как часто проводятся денежно-вещные лотереи, на чем размырываются, сколько печатается лотерейных билетов и какова вероятность выигрыша?

Отвечет О. Новикову мы попросили начальника отдела кредита и денежного обращения Министерства финансов РСФСР Ивана Осиповича Иванова. Вот что он рассказал:

Цель денежно-вещных лотерей — дать возможность широкой массе населения своими личными средствами способствовать расширению строительства культурных учреждений, детских садов, жилых домов и т. д. Подается процентов сбора от продажи билетов 10% в государственной бюджет, а другая половина возвращается тиражистам в виде выигрышей.

Для подготовки и проведения тиража организуется и утверждается Советом Министров республиканская специальная комиссия в составе восемнадцати — двадцати человек. Тиражи примерно та же, что и при размырании тиражей обычных займов. Количество билетов в каждом тираже составляет примерно тридцать — сорок миллионов.

Вероятность выигрыша — восемь процентов, то есть из каждых ста билетов выигрывают в среднем восемь, хотя иногда на сотню выпадает десять — двенадцать, а то и шестнадцать счастливых билетов.

В тираже участвуют абсолютно все лотерейные билеты, независимо от места покупки.

При Федерации стрелового спорта СССР организован комитет стрельбы из лука, который подготовил и издал в 1964 году правила соревнований. И, конечно, эта брошюра вышла весьма ограниченной тиражом, и достать ее трудно. Поэтому остановился на некоторых деталях правил применительно к новичкам. Юноши и девушки могут стрелять с дистанции 20 метров по мишени № 3 (она применяется при стрельбе из винтовки на дистанции 300 метров). Количество выстрелов: 10 серий по 3 стрелы в каждой. Норматив первого юношеского разряда: для юношей — 200 очков, для девушек — 180.

Взрослые же ведут «огонь» по той же мишени, но с дистанции 30 метров, 12 сериями по 3 стрелы в каждой. Норматив третьего разряда: для мужчин — 240 очков, для женщин — 180.

Теперь об инвентаре для стрельбы из лука. Наша промышленность начинает выпуск неплохих луков и стрел. Их уже производит ЦНИИ спортивного инвентаря и оснащает Львовская мебельная фабрика.

Технология изготовления лука довольно сложная, но все же вполне осуществимая в домашних условиях. Нужно взять две пластины дюралюминия марки «В-95» и изрезать их в виде буквы «Г», изогнуть так, как показано на фотографии, соединить с рукояткой, на которой делается площадка для стрельбы. Тетеву рекомендуется делать из лавсана или монеля (сплошной дратвы). Надеть (но не натянуть!) тетива должна отстоять от площадки на 15 сантиметров. Стрелы изготавливаются из сосны, или липы березы, причем брусочки обязательно должны расклевываться, так как при расклинивании нарушается структура слов. Годится и дюралюминиевые трубки наружным диаметром 6—8 миллиметров при толщине стенок не более 0,3 миллиметра, иначе стрела получится очень тяжелой.

Признаться, я была неилой смущен предложением написать статью о проблемах хоккея. Говорить о спортивных проблемах — значит критиковать нынешнее положение вещей. Но одно дело — писать, скажем, о футболе: были олимпийскими чемпионами, обладатели Кубка Европы, и то и другое потеряли — проблема, как говорится, наша. Хоккей в последние годы ничего не терял. Хоккей только приобретал. Он захватил все подесталях почета: мировой, европейский, олимпийский — и не собирается в ближайшие годы уступить их никому. Но скучно лека не отстатье повода и причин для разговора. Просто болсно, говора о недостатках самого преуспевающего вида спорта, прослать бржкогда.

И все-таки я взялась за перо.

# ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ

Евг. РУБИН

## Из молодых, да не ранние

Спорт молодеет с какой-то сказочной, непостижимой быстротой, молодеет в буйванном смысле этого слова. Болельщикам со стажем еще помнит времена, когда погоду в спорте делали тридцатилетние. Григорий Федотов, Николай Деметьев и Астандин Гогобридзе были самыми грозными футбольными форвардами. Всеволод Бобров, Александр Узаров и Алексей Гурьевше вели вперед лучшие хоккейные тройки. Никифор Попов и Владимир Казанцев были стайерские рекорды в беге, Алексей Якушев и Владимир Щегин пробивали тройной блок на волей-

больных площадках. Леонид Мешков и Мария Гавриш удивляли мир результатами на водных дорожках... Всем им и еще множеству столь же знаменитых спортсменов было в годы их расцвета около тридцати или даже за тридцать.

Теперь такие люди, как Евгений Гришин, Игорь Нетто или Арменак Алачачян, люди, успевшие уже отпраздновать свое тридцатилетие, но сумевшие остаться на главных ролях в спорте, — исключение. На них, этих уникалов, поглядывают с удивлением, и трудно сказать, чего в этом удивлении больше — восторга или осуждения. Так смотрят на престарелого актера, но желающего расстаться с ампула гаров-любовника: «Ну и силен, черт! Однако не пора ли и подвинуться!»

Сейчас тон задают молодые. Валерий Брумелью 22 года, а на его лидерство поношуется и вовсе мальчишки. О 25-летнем футболисте Игоре Численко говорят как о ветеране «Динамо» и сборной. В 25 лет Юрий Власов отнял у Андерсона мировой рекорд в тяжеловесном троеборье, а недавно 25-летний Леонид Жаботинский отобрал у Власова золотую олимпийскую медаль. Едва ли не каждый второй рекорд пловцов попадает теперь сразу в две рекордные таблицы — взрослую и юношескую: так молоды нынешние рекордсмены.

Словом, спорт молодеет прямо на глазах. Хоккей помолодел едва ли не первым. Года четыре назад ветераны сошли как-то сразу, «оптом», уступив свои места даже не просто

молодым, а совсем мальчишкам. Командные посты в сборной заняли 19-летние Александр Альметов, Вячеслав Старшинов, Владимир Юркинов, Александр Рагулин. Причем это не были какие-то «одиннадцать неизвестных». Они заняли места в сборной по праву лучших игроков.

Да и те члены сборной, что постарше, — Константин Локтев и Вениамин Александров, Виктор Якушев и братья Майоровы — тоже в 18—19 лет уже занимали в своих командах задушее положение.

А теперь давайте взглянем на хоккей 1963—1964 годов с этой самой возрастной колокольни.

В наших лучших командах сейчас много зрелых мастеров, которые могли бы серьезно поспорить с теми, кто защищает цвета сборной страны.



Игнать, тренеры. Может, среди этих ребят растут новые Майоровы, Рагулины, Альметовы.

Такие игроки есть в ЦСКА и «Динамо», в «Спартак» и «Химки», в «Локомотив» и «Крылья Советов». А много ли среди них 19-летних? Скажите, что это мило,— значит ничего не слышал. Но поговорим о хоккее. Как вы, а мне известны только два таких хоккеиста: горьковчанин Виталий Жидков, который еще в позарешлое время боролся на себя впереди в Москве, спартаковец Виктор Яровлачев. Среди тех, кто играет или может играть в молодежной сборной, много так называемых перспективных, подождем надежды. Игроки не высвистят, спартаковец, как и сегодня и завтра их отсутствие не может пошатнуть наше положение лидера мирового любительского хоккея, то послезавтрашний день представляется не таким уж безоблачным.

Не берусь утверждать исчерпывающе, откуда брались «новые звезды» раньше. Вероятно, не поощрив. Большинство нынешних наших корифеев, как и их предшественники, переселились в маленькие, огражденные бортиками ледяные коробки в Свердловске и Новосибирске. Они научились стремительно бегать на коньках, выходить на свободные место, много и точно пасовать.

Ныне это путь — от хоккея с мячом к хоккею с шайбой — закрыт. Чем взрослее становится у нас хоккей с шайбой, тем меньше он похож на своего старшего брата, тем больше появляется в его характере черты собственных черт. И то, что зовется хорошим хоккеистом к двадцати годам, должен начать специализироваться еще в юности. Дороги хоккея разные, но в них все равно так далеко, что мост от одного к другому теперь быстро не переросся.

Это понимают все. Недаром же появились в последние годы молодежеская и молодежная команды. Они-то, по сути дела, и должны, как прежде хоккей с мячом, поставлять нам молодых мастеров. Должны, но не успевают.

Почему? На этот вопрос в старости ответить чуть проще. Иначе мне пришлось бы повторяться.

## История с географией

Еще совсем недавно словосочетание «молодежь СССР по хоккею» выглядело несколько странно. В первенстве участвовало множество команд России плюс хоккеисты «Дугава», единственная нероссийская команда. В прошлом году в нем участвовало включилось «Динамо», а нынешнем — команды Казахстана и Белоруссии. Так что теперь даже самый взвешивый броситель тонкой шайбы иловский не смеет отделиться к термину «молодежная страна». Нынешняя география хоккея включает в себя пять союзных республик.

Да, формализму придаться не в чужд. Ибо его интересуют только формы. Мы же с вами не формалисты. Поэтому давайте внимком в содержание нашей хоккейной географии.

Участники чемпионата страны, или, как принято говорить, команды класса «А», разделены на две группы. И не по географическому признаку, а по силе. Зависит от того, насколько сильнейшая, высшая группа. Остаются борются только те, что бы в нее попасть. Так вот, в высшей группе нет ни одной нероссийской команды.

Большое это, даме эту самую высшую лигу можно расчленил. Практически на призывные места из года в год претендуют несколько москвич-

ских команд, «Химки» из Воскресенска, что в 80 километрах от Москвы, и «Торпедо» из Горького, который в 400 километрах от Москвы. Вот вам и 400 километров! Это расстояние за всю жизнь. Все остальное — пока второй сорт. И как ни обидно звучит такое определение, оно неопровержимо, потому что за ним железная логика тренировок.

Но и это еще не все. Киевское «Динамо» и рижская «Дугава» заняли в последнем чемпионате 16-е и 17-е места. А команды белорусских клубов заняли 18-е и 19-е места страны не потому, что заслужили это право. Они попали в число его участников в результате расхождения сверху, вместе с еще несколькими командами спорты мы сегодня не испытываем такого острого тренерского дефицита, как в хоккее. И это тоже имеет свои причины.

Александр Прилепин, много лет игравший в «Обгонновской» команде. Популярность хоккея огромна. С каждым годом он охватывает в Сибири и на Урале едва ли не каждый мальчишка мечтает стать хоккеистом. А молодых «звезд» нет. Не тот нынче хоккей, чтобы игроки высококого уровня могли охватывать в одной школе. Но какая же школа может существовать без учителей!

Один-два ярких одаренных парня могут и самоучками достигнуть того-то, но для этого им придется столкнуться с насюжками рижскими и новосибирскими, киевскими и свердловскими, нужны тренеры. Не единицы, не десятки, а сотни тренеров. Однако одного спорты мы сегодня не испытываем такого острого тренерского дефицита, как в хоккее. И это тоже имеет свои причины.

Из действительных в бездействующие

Тренер — это специальность. По специальности, имеющая одну особенность. Человек, окончивший школу, поступает в институт инженеров, а потом в институт, который выдает диплом и становится инженером, техником, педагогом или юристом. Чтобы стать тренером, особенно в большом спорте, необходимо, как правило, пройти еще один ступеньку — надо самому быть спортсменом.

Борис Ариадва, Гавриил Качалин, Михаил Якушин, Виктор Маслов, Александр Пономарев, Никита Симоненко — это действительные тренеры. Каждый из них был в свое время известным спортсменом, каждый олицетворяет целое футбольное поколение, за каждым стоит армия свердловских и новосибирских игроков. Получив специальное образование, они работают в командах мастеров, занимаются с их дублерами, преподают в футбольных школах.

Вот теперь в нашей седьмой десятке, хоккею же в нашей стране нет еще и двадцати. Еще недавно в хоккей «вышибали» и вовсе не было, было только разрушающее. Так же и в остальных видах спорта. И все-таки, что ни говоришь, 19 лет — тоже возраст!

Пришло время, и первое поколение — поколение Чернышева и Тарасова — покинуло ледяные поля. Второе вышло в ряды ветеранов и ледяные смена — Борова и Гуршевичева. Сколько образованных и знающих тренеров дали нам два эти смена.

Да, это о временах третьего смена. Но не очень ясно, сумеет ли это поколение хоть в какой-то мере утилизировать талант, или оно превратится в армия в армиях.

Чтобы стать тренером при нынешнем уровне спортивных достижений, надо много учиться. А где учиться хоккеисту? У него есть только одна школа — тренеров. И это не так просто. Значит, практически учиться имеют возможность только москвичи. Но они-то ведь, научившись в Москве и отступили! А если в Москве не вышло, то в Горьком, где прожился всю жизнь, то не годятся, не больше. Так бывало не раз. Создать свой собственный «челюбинский», «новосибирский», «свердловский» учебный центр, который мог бы только самим чеблябинцы, свердловчане, омичи.

Почему же нет тренерских школ в других «хоккейных» городах? В любительском классе «А», существует ли команда класса «А», существует ли в институте физкультуры, либо факультет физического воспитания при педагогическом институте. Значит, есть главное — преподаватели, кото-

рые могут научить основам анатомии, физиологии, медицины, а основами спортивной тренировки. А тренерского класса «А» сумеет давать уроки современного хоккея.

Но тренерских школ нет. Как, впрочем, нет и других школ — хоккейных школ для детей. Их же по единственному явлению неувальности причине: играли же раньше без школ, и ничего, выигрывали, значит, нечего и беспокоиться.

Да, раньше школ не было. Но и чемпионы раньше был не тот. Разве можно считать бы им догнали Канаду, если наша сборная побеждает лучшую из любительских команд Европы? Вот как же тренировка была в 50-е годы? В 50-е — пятидесятые советских команд против пятидесятых канадских, — тогда, и только тогда, мы сможем сказать: «догнали».

Но представим себе на секунду, что это все хоккейные бедды позиди. Есть всюду школы хоккейных тренеров, есть в каждом городе детские школы тренеров, и тренеры в единственном закончат свои школы и придут в детские, чтобы учить мастерству ребят.

Нет, скоро этого не произойдет. В Москве и Ленинграде тренеры — двудесятичеловек. Учатся в ней обычно четыре-пять лет, а многие бросают вообще. И вовсе не потому, что ленивы. Занятия в этой школе, как и в остальных, начинаются осенью и заканчиваются весной. Во все прочие тактические расписания, наверное, единственно правильное. В хоккейной школе хоккеисты и тренеры должны тренироваться, тренироваться... Вот и не хватает у большинства сил учиться.

Мы скажу: а как же инженеры Майоров? Как сумели завоевать институты Владимир Юрченко, Михаил Ржевцев, Вячеслав Старшинов, Виталий Давыдов?

Все правильно: если ты особенно трудолюбив, если у тебя и там же, где и у других, есть талант, то можно уложиться и в два года. Однако я не осмелюсь утверждать, что большинство хоккеистов удовлетворяют этим требованиям. Речь-то идет не о единичке. Школы должны выпускать сотни людей, чтобы наш хоккей смог получить несколько десятков хороших специалистов. Значит, надо как-то иначе построить учебный процесс.

Мы можем, мы обязаны создать целую систему — от курсов до кафедр высших учебных заведений — подготовки хоккейных тренеров. Иначе хоккей не застрахован от кризисов.

Это всегда так: как бы ни была велика и серьезна проблема, она обязательно состоит из многих фазисов, где бы даже неслись. Мы с вами знаем, каково это — возмущение географией советского хоккея, а в конечном счете заглянуть в расписание тренеров и даже распустивших школьных занятий.

И в это время не побоялись, говорить об этом журнале. Теперь, когда телевидение сбавило нас с вами соучастниками международных триумфов советских хоккеистов, мы особенно рады пережить эти счастливые моменты из переживания, которые становятся и нашими победами. И мы хотим, чтобы эти победы не были преходящи.

Вот почему я и не побоялся промелькнуть и написать эти заметки.



Уже не раз «Смена» начинала поиски героев, чьи имена золотыми буквами должны быть вписаны в летопись Великой Отечественной войны. Планируя эти благодарные поиски наших читателей часто бывала успешна.

Сегодня мы публикуем два коротких сообщения о героических подвигах советских людей и обращаемся к читателям с просьбой сообщить все, что им известно о судьбе героев.

Ждем вестей писем, друзья!

## Отверженные в море

Апрель 1945 года. Советские войска стремительно развивают наступление. Эсэсовцы спешно заматывают следы своих чудовищных преступлений.

В одном из фашистских лагерей массового уничтожения идет эвакуация. Уже слышны залпы советских пушек. Командант лагеря спешит выполнить секретный приказ — погрузить 450 человек на две самоходные баржи, вывести их в открытое море и там, в море, затопить.

Баржи стоят, готовые к отплытию. Заключено рулевое управление. Теперь можно двигаться только прямо в открытое море. Подогнанные эсэсовцами, идут обреченные. Они и не подозревают об уготованной им судьбе. Узников загоняют в трюмы. Скоро под палубой в темноте трюма уже нечем дышать. Задние дают на передних. Наконец тех, кто не мог втиснуться в трюм, толкают на палубу часть палубы и приказывают лечь лицом вниз. Уже работают моторы барж. Рубят швартовы. Баржи отваливают от причала. Запас горючего на полчаска. Через полчаса баржи остаются в море и четыре пушки с берега расстреливают непо-

движные щелью. Уже все готово к этой стрельбе, но расчеты в панике бегут со своей позиции: в город врываются советские танки. Однако фашисты не забыли про баржи. Вызвана авиация. Два самолета заледит на «цель», обстреливают беззащитные суденышки из пушек и пулеметов. А затем...

4 мая 1945 года неуязвимые баржи прибывают штормом к датским берегам. В те дни об этом событии сообщили почти все датские газеты. Но сведения были весьма скудными, оставшиеся в живых саиты с барж и направленные в госпитали в местечко Хювалье, расположенное в 40 километрах от Копенгагена.

В. СТЕПАНОВ

Что же происходило на баржах в течение долгого месяца страшного рейса? Кто из людей, замурованных в трюмах и лишенных не только лица, но и воздуха, спасся? Как сложилась их дальнейшая судьба?

Люди чтят память безымянных героев, на их могилы зажигают вечный огонь, сажают цветы. Но есть герои, память о которых народ хранит только в сердце.

Однажды, во время экскурсии по южной Греции, к нам подошел уже молодой грек и на ломаном русском языке рассказал о случае, напоминающем легенду.

Было это за год до конца войны — весной 1944 года немцы прово-

дили большую операцию по прочесыванию горных районов южной Греции, чтобы ликвидировать партизанский отряд, действовавший в этих местах.

Гитлеровцам отряд представлялся особенно опасным: в нем сражались советские люди, бывшие военнопленные, бежавшие из концлагеря. Фашистская агентура уже давно разыскивала двух людей из этого отряда, которые часто появлялись в Пирее, Афинах и других городах Греции. Было известно, что один из них довольно свободно владеет немецким языком, другой — испанским. Всякий раз, когда агентам удавалось напасть на их след, хитрецы ускользали буквально на-зад носом преследователей.

Наш собеседник повернулся к морю и показал на скалу. Она, как топор, глубоко возмилась в волны Эгейского моря.

— Эта скала, — сказал грек, — в течение трех суток укрывала хитрецов от фашистских палачей. А тем временем наш отряд уходил в горы. Наконец на вершине Пирнеаса мы зажгли огонь — сигнал, известный, что отряд достиг намеченного пункта.

В ночной тишине прозвучал всплеск артиллерийский залп: стреляли по этой скале. Несмотря на усталость, мы долго не могли уснуть: все ждали вестей о смельчачках. Вернувшись на следующий день разведчики доложили, что вся местность вокруг скалы окружена гитлеровцами. Никаких сведений о наших русских друзьях добыть не удалось. Позднее местные жители рассказывали о чуде, свершившемся на скале: немцы не нашли на ней не только людей, но даже оружия. Для поисков из Пирея были вызваны водолазы и специальные суда. Фашисты

завлекли со дна моря четыре пулемета и две винтовки, а самих хитрецов ни так и не удалось обнаружить. Еще позднее из рассказов рыбаков мы узнали, что вскоре после сражения в рыбьи сети попал израненный труп человека, которого рыбаки тайно схоронили в горах недалеко от этой скалы. Судьба его товарища так и осталась неизвестной.

На вертикальной стороне скалы, обращенной к морю, греки оставили надписи: «Смерть фашистским захватчикам!» — и загадочное слово «Катюша».

Песню о Катюше очень любили петь все греческие партизаны. Но эта надпись означала, видимо, больше чем любовь к песне.

Мы знали, что у одного из русских на родине осталась любимая девушка по имени Катюша, другой мечтал, чтобы у партизан появилась еще одна ракетная установка с этим легендарным именем. Может, это и так, как попасть в плен, он был мимолетным.

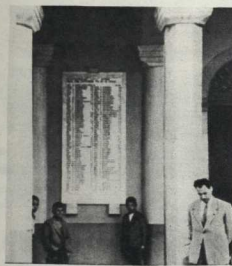
Местные жители рассказывали, что для отражения атак гитлеровцев русские применяли какие-то особые, видимо, самодельные снаряды, имитирующие в какой-то степени стрельбу из русских ракетных установок.

Один из хитрецов, лейтенант по имени Владимир, блондин, по словам командира партизанского отряда, до войны окончил аэроклуб в Муроме, в начале войны учился в летном училище, а затем воевал в пехоте, был ранен и взят в плен в Заполярье, до войны окончил языки, имитирующие в какой-то степени стрельбу из русских ракетных установок.

Второй — Виктор, бронет, старший лейтенант с Урала. Знали мы его Истанбул. Знание испанского языка помогло ему выполнять очень важные поручения и получать ценные сведения.

В. ПОПОВ

## У ЛЕГЕНДАРНОГО ПАРНАСА



Мемориальная доска с именами греческих патриотов в деревне Дистомо. Герои-партизаны были казнены за содействие отряду, в котором сражались советские воины.

На этой скале вели свой последний бой советские воины.



# ВЫЖИВАЮТ

Как это случилось, никто не заметил. Даже редакторы спортивных газет, обладающие реакцией хвойной игары, не успели вскинуть намерья. Лишь некий посетитель цветной фотографии случайно щелкнул затвором, когда на месте следящих за ним разбухнул вверх рыжий столб огня. Там появился этот кинимон.

И публики и журналисты единодушно решили, что во всем виноват Врайи. Безусловно, «Формула 1» — иан называют автогонками розмариш международного Большого приза — была ему еще не год сну. Задачки у него, конечно, были, но решение он посылал 1.43 за круги. Мо, чтобы продержаться 100 кругов, надо иметь не только железные руки, но и немалые нервы.

Сам Джон Врайи не мог оправдаться или хотя бы возразить — его обгоревшее тело лежало в холодильнике morga в Индианополисе.

А случилось следующее: Перед стартом тренер американской команды строго распределил обязанности «ноншима»: победить обязан фаворит, остальные гонимые работают на него. Дин Грин на машине «Феррари» должен был дернаться в гоночной группе, но не вытиснуть до последних десяти кругов, а остальными, в том числе и Врайи, надо было «ослабить» соперников, в главном образе италиянце. Из англичан опасность представлял Матюз, сменивший легендарного Месса. Своим тренером — закон. Ведь он выступает иан представитель автомобильной фирмы.

На тридцатом круге Врайи очень ловко затер италиянца Вайдини, выступавшего на «Феррари», но неожиданно из-за спина выскочил Матюз. Врайи рванулся влево, и Матюз срезал ему заднее колесо.

Последнее, что видел Врайи, — несприступная стена лиц посмерие, что он слышал — зеркальный рея трибуны и слышал колес о бетон... — Индианополисе. Монте-Карло, Корбья, Сильверстаун, Буанос-Айрес, Мехико, Берн — вот висталища людей этого страшного ремеса. Врайи был не парной и далеко не последней жертвой составленной автомобильных моторов.

Западная пресса, не имея сил, создает ореол мужества и бесстрашия вокруг имен автогонщиков. Каждый год новые и новые молодые рули берутся за штурвал развалюшек, пригнавших к земле «болды».

Взглянем повнимательнее из это зрелище, рекламируемое на Западе как «спорт мужественных и бесстрашных». Слова нет, автогонки — занятие только для сильных духом и телом. Именно поэтому составлены эти вызывающие такой интерес, умело подогреваемые рекламой.

Гонки — это прыжок со смертью.

— После очередного круга я чувствую, будто падаю отсмерью — говорит австралийский чемпион мира француз Морис Трентиньян.

«Мы автогонщики машинного вида» — пишет в своей книге «Мои Болды» знаменитый гонщик англичанин Стивлинг Мосс. — На трассе, как и на морю, действует формула «победить или умереть».

Высказывания можно было бы продолжить. Но остановился лишь на титре записок легендарного аргентинца Хуана Фландино «Из кабин «Феррари»: он много объясняет.

Гонщик — прежде всего агент автомобильной фирмы — «Мерседес», «ВРМ», «Роке», «Феррари», «Астон» «Форд», «Джиперад моторс». Это автомобильные концерны создают «ноншима» из профессионалов, это они устраивают гонки и учредяют финансовые призы, затратив с лихвой окупившись во-первых, кассовым сбором, а самое главное — рекламой. Ведь название фирмы пишется всегда перед фамилией победителя!

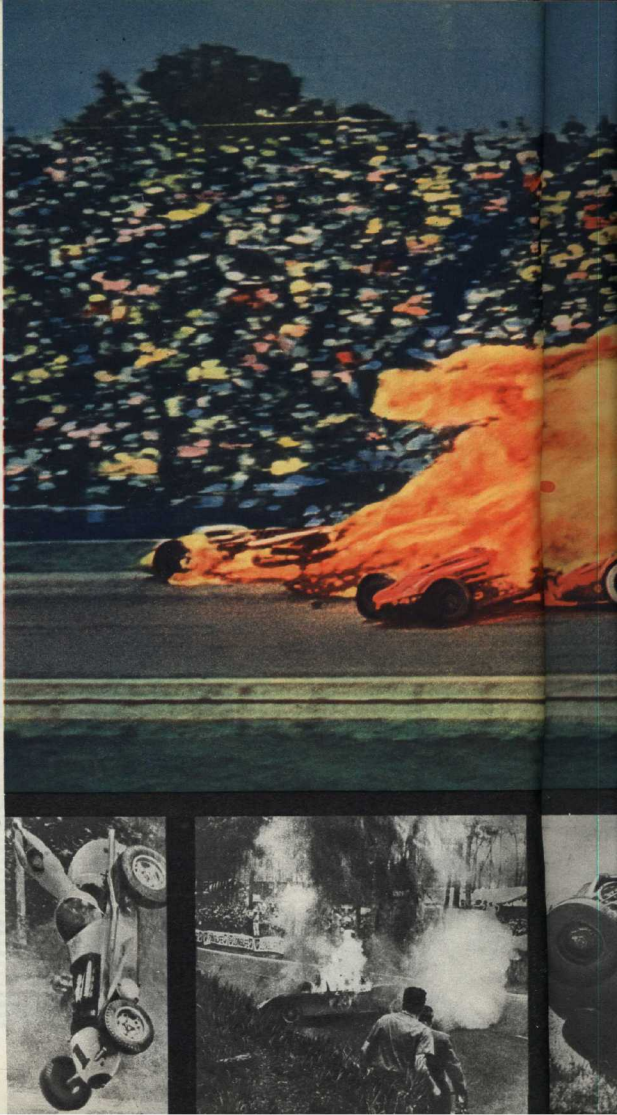
Легкий успех кружит голову, — продолжает Трентиньян, — а в нашем ремесе это — самое страшное.

Ему 27 лет — рекордный возраст для автогонщика. Обычно они не переживают за тридцатипятилетнюю рубку. На гонках в Монте-Карло в 1955 году Трентиньян шел вплотную за двумя лидерами, когда в одной из гоночных машин лопнул дюпину мэдисонеров и оставил на бетоне большую сползшую дырку. Трентиньян не успел вывернуться, и его «снимки», паравелет через паразит, шлепнулся в море. Но он остался жив: вода смягчила удар. Счастливая звезда!

— На трассе неважно выпустить человека без опыта. Но у нас нет ни школы, ни хороших учителей.

Амнокат вокруг первых успехов толкает гонщика на риск, и тогда... Счастливая звезда видна у каждого, и продолжают гибнуть автогонщики эти парни с крепкими кулаками, горчичным голосом и названием фирмы на хвойной куртке.

А. БЕЛЕНЬКИЙ





# ВЕРНЫЙ БЫК

**Ж**ил однажды бык. Его не звали Фердинандом, и до цветов ему дела не было. Он любил драться и вступал в бой с ровесниками, да и со взрослыми быками, и всегда выходил победителем.

Рога у него были твердые, как дерево, заостренные на концах, как иглы диавола. При ударах они болели у основания, но он не обращал на это ни малейшего внимания. Мускулы на шее у него были собраны в комок, который вскапывали зовут морью. Когда этот бык был готов к бою, морюю у него подымалась горой. А к бою он был готов всегда, черная шкура его всегда лоснилась, и глаза были прозрачны.

Он готов был затеять бой по любому поводу и дрался с такой же серьезностью, как иные едят, или читают, или ходят в церковь. Дрался он всегда на жизнь, а на смерть. Другие быки не боялись его, потому что, будучи чистых кровей, они вообще ничего не боялись. Но дрались его они избогали. И желали сражаться с ним у них не было.

Он не был ни задирой, ни грубияном. Но к битвам его влекло, как некоторых людей влечет к пению, а других — к трону короля или креслу президента. Он ни о чем не раздумывал. Бой был его обязанностью, его долгом и радостью.

Он дрался на каменном плато. Он дрался под проливным дождем. Он дрался на пастбище у реки. Каждый день он отправлялся за 15 миль от реки на каменное плато и там вступал в бой с любимым быком, кося на него посмотревшим. Но он не знал, что такое гнев.

Это не совсем так: в глубине его сердца жил гнев. Он не знал, почему: ведь думать он не умел. Он был благороден и любил сражаться.

И что же случилось с ним? Хозяин (если владельца такого животного можно назвать хозяином) понимал, какой у него замечательный бык. Понимал, но был обеспокоен тем, что этот бык все время сражается с другими быками и причиняет ему убытки. Быки стоили по тысяче с лиш-

ним долларов, а после боя с этим быком за них давали только 200 долларов или и того меньше.

Хозяин был добрый человек и решил, что лучше передать кровь этого быка всему стаду, чем отравить его на арену, на верную смерть. И он решил сделать его производителем.

Но то был странный бык. Когда его впервые выпустили на пастбище вместе с коровами, он ушел среди них одну, молодую, и красивую, и стройнее всех: у нее была самая блестящая шерсть и самые красивые линии. И так как драться ему теперь было не с кем, он влюбился в нее и не обращал внимания на других. Все время он проводил с ней, а до остальных ему и дела не было.

Хозяин ранчо, выращивающий быков, надеялся, что этот бык переменится, научится, станет вести себя по-другому. Но бык не изменился, он любил одну свою избранницу. Все время он проводил с ней, а до остальных ему и дела не было.

Тогда хозяин отослал его на арену вместе с пятью другими быками. Ибо хотя бык и хранил верность, но сражаться он умел. Он провёл бой шумно и смело. Все восхищались им, а больше всего человек, убивший его. Но к концу боя куртка этого человека, которого зовут матадором, промокла от пота, а до остальных у него пересохло.

— Que toro mas bravo! (Какой храбрый бык!), — сказал матадор, передавая шуту оруженосцу. Он держал ее эфесом вперед, и по кличку струнался кровью из сердца храброго быка, которого теперь никто не вспоминал и которого четверка лошадей волокла за арены.

— Да, это тот самый бык, который хранил верность, так что маркизу де Вильядора пришлось отделиться от него, — сказал оруженосец, выходя в курс всех дел.

— Быть может, всем нам следовало бы хранить верность, — сказал матадор.

Перевод с английского Т. СЕРГЕЕВОЙ.

Рисунок Ю. ВЛАДИМИРОВА



## ЛОГИЧЕСКИ РАССУЖДАЯ

1. В экипаже самолета входит первый пилот, второй пилот и штурман. Их фамилии (неответственно)—Кузнецов, Петров и Данилов. Среди пассажиров оказались их одноклассники. Известно, что:
  1. Пассажир Петров живет в Ленинграде.
  2. Штурман живет ровно на полпути между Ленинградом и Москвой.
  3. У пассажира Данилова двое детей.
  4. Летчик Кузнецов обгирывает второго пилота в шахматы.
  5. У ближайшего соседа штурмана, одного из пассажиров, детей второе больше, чем у него.
  6. Одноклассник штурмана живет в Москве.
 Назовите фамилию первого пилота.

2. — Ну что ж, ребята, — сказал инспектор. — Нам известно, что кто-то из вас пригласил старикашку Сэма вчера вечером. Сознавайтесь, у кого есть оружие?
  - У Дика есть, — сознался Чарли.
  - Ничего у меня нет, — заявила Дик.
  - Бросьте запарываться, ребята, — сказала Бен. — У всех нас есть оружие. К тому же Чарли был вчера у Сэма.
  - Не была я, — ограмзилась Чарли.
  - Может быть, это Бен сал его ступица, в Чарли? — заинтересовался инспектор.
  - Нет, Бен тут ни при чем, — сказала Чарли.
  - Но Бен задолжал старика Сэму, — вставил Дик.
  - Не должен я ему ни пенни! — зорил Бен.
  - А ты что скажешь, Дик? — спросил инспектор.
  - Я не убивал старика, — ответил Дик.
  - Убедите их, — сказал инспектор.
  - Ну, и что нам теперь известное? — спросил старик.
  - Абсолютно все. Из другого источника я знаю, что каждый из этих ребят совершил лишь один раз. Так что...
  - Значит, все-таки убийца.
  - Молоки, нас подслушивают, — сказала инспектор.
  - Попробуйте определить ход рассуждений инспектора.





# Тародии



Александр ИВАНОВ

Юлиан СЕМЕНОВ



## ТРУДОВЫЕ БУДНИ

Рассвет приходит откуда, с востока.  
Слева светлеет, потом розовеет, потом блевает, и вдруг откуда ни возьмись солнце!  
Рыбин вылез из палатки, с громким потанцуем, размял члены и пошел купаться.  
— У-а-а! — резвится Рыбин. — Шой Хорошо-шой!  
— Га! — резонирует Арсен.  
Заклебно урчат машины. Бригада выкачивает до вечерней зари, а столовая закрыта на переучет хариусов.  
— Бригадер, рубать чего будешь?  
— Устриц в томате, — отвечает Рыбин. — и оваров на постное масло.  
Все собралось у костра. Шурина за-

пел, аккомпанируя себе на гитаре:  
— Нишка олимпиад дружок-ю!  
— Устриц? — задумчиво спросил Арсен. А ты не вращай!  
— Вру, — сказал Рыбин, тоскливо стесняясь.  
И потрел друга по щеке голой ладью.  
«Дубина я, — подумал Арсен. — Ни за что обидел хорошего человека. Нет во мне душевного хариусовщания. Не гражданин я, а салун в Клодайке. Сплошная ось координат».  
— Бригадир, а может, подоюжне стовануто? — спросил Шурина.  
— На обратном пути, — мужественно поощебала Рыбин. И забоянто до-бавил: — Только спички не подюжи с натуги.  
Арсен вдруг закричал:  
— Путиль Ваюи Валяй! — и подогнул носом.  
— Верно! — подтвердили все, как отругнуди. — Додон — он и мочью доддон. Такой уж у него сегмент. Гомер для черна писак. Мисын — имен-маторф. Тащи патефон, эзилер на лопате заварник, потанцувай!  
— Я свое на том свете дотанцую, — заметил Коленка. — Нарьян отдеру. С лопатой и при жонглете.  
— А ты не стесняйся, — посоветовала Рыбин. — Молодые писатели ведь не стесняются. Пишут, что в голову взбретет, так сназает, отравляют нереальной реальность. Таюто, брат.  
— Все сингулир брЮни и закрулир.  
...Все собралось рассвет. Вернеее все-го, с востока.

НАЧАЛО  
СЕЗОНА.



Рисунки  
О. СЕЛЕРА



ЛИРИКИ ИЛИ ХИМИКИ?

В НАШЕЙ ЖИЗНИ ПРИЧУДЛИВО СОДИНЛИСЬ ФАНТАСТИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.  
НАПРИМЕР  
СПОР МЕЖДУ ФИЗИКАМИ И ЛИРИКАМИ РАЗРЕШЕН В ПОСЛЕДНЬЕ ОБОЖИ.  
И ВНЕГО, В ОБЩЕМ, ФАНТАСТИЧЕСКОГО НЕТ В ТОМ, ЧТО ЛИРИКИ СДРУЖИЛИСЬ И С ХИМИКАМИ.  
ЛИРИКИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ТРУДАМИ ХИМИКОВ И, ОЩУТИВ ПРИЛИВ ВОДНОЖЕНИЯ, НАПИСАЛИ СТИХИ:

Бела АХМАДУЛИНА

## ХИМИЧЕСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ

(Отрывок)

Я вывелась химическим путем из ничего. Не в этом суть ошибки, клещусь возникновением улыбки в реторте рта и лановым ногтем, меня влекло, бесплотную, и земле, как яблоку, сорвавшееся с дерева, в абстрактную таблицу Менделеева. Но почему «ева»? То Ева, великая прабрабушка моя, древняя изгнанница, поздние мэтэ-героици, вучуки Галаilea, блаженная Богиня бытия.

Да здравствует мой самый первый писак! Спасибо, мой создатель, мой алюмин, за то, как грациозно шел на риск, за то, что превозмог, и взлом, и выск.

Вуду он непаден, ангел мой. Хитрит, небратия ни с перада, ни с зава — солино-ниско-сладийн ангадир, неведомый души катализатор.

Он облучил, всевидящ, как рентген, небратия ни с перада, — подобие гармоний. ...Молю о превращении антигоний в полезный людин поалятиян.



\* \* \*

— Балаасту Сколастов  
Из Рымов и Греций  
Не место — и бастал! —  
Сказали цагесты  
Познавшие тайны химических степей.  
А niente  
Иарен, поассав свои пальцы:  
— При том не забудете про хлористый кальций.

Леоид МАРТЫНОВ

Ванадий, палладий, рубидий, бериллий  
Запомните, что бы там ни говорили.  
Словите  
Нептуний, плутоний, лютетий...  
Дронките,  
Гораций, Луирецкий, Гельеций!  
Постыльте посылку  
Не каждый мыслитель  
Не столько мыслитель, а сколько писатель.  
Но если писатель суть просто числитель,  
То химия —  
Это его знаменатель!



## ИЗ ЦИКЛА «СЛЕДЫ НА ВОДЕ» Семен КИРСАНОВ

Что подарить тебе,  
любимая моя?  
Дарю стихик:  
Ха,  
и эМ,  
и Я.  
Пойми меня  
душой,  
Прошу,  
но только  
не эри:  
Е,В,  
У,Р,  
И...



Дружеские шарки Р. САМПИНА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Вузманный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-63; отдел очерков и публицистики — Д 3-31-03; межкультурной связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-67; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохина.

Редколлегия: К. К. Андреев, Е. И. Замоситовский, К. И. Замосионо, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Курдюков, Е. И. Рубчиков, Г. В. Семенов, С. С. Сампурнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.  
Технический редактор И. Вудкина.

А 02203.  
Тираж 900 000  
Знака № 3528.

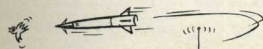
Подписано и печатано 7/1 1985 г.  
Изд. № 172  
Формат бумаги 70х108/8.  
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Средна Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



— СЕЙЧАС ВЫЛЕТИТ ПТИЧКА.

Рисунок С. АШМАРИНА



ОХОТНИЧЬЯ ЭВОЛЮЦИЯ.

Рисунки Ф. САМУКАСА

# Сквозь снегопад

В умеренном вальсовом движении

Всех, всех, всех он насти-гает, зве-ня.

Снег, снег, снег прячет те-бя от ме-ня. Ты

где-то близко од-на. Быть может, стоишь у ок-на. Быть

может, мне до-ришь ласковый взг-ляд сквозь сне-го па-д / пад

Ты где-то близко одна.

Слова Геннадия ГЕОРГИЕВА  
Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Свет, свет, свет  
В третьем окне со двора.  
Нет, нет, нет,  
Не было ссоры вчера.  
Ты где-то близко одна,  
Быть может, стоишь у окна,  
Быть может, мне даришь ласковый взгляд  
Сквозь снегопад.

Пусть, пусть, пусть  
Все заметет добела..  
Будь, будь, будь  
Ты лишь такой, как была.  
Ты где-то близко одна,  
Быть может, стоишь у окна,  
Быть может, мне даришь ласковый взгляд  
Сквозь снегопад.

Всех, всех, всех  
Он настигает, звеня.  
Снег, снег, снег  
Прячет тебя от меня.  
Ты где-то близко одна,  
Быть может, стоишь у окна,  
Быть может, мне даришь ласковый взгляд  
Сквозь снегопад.

З тот самовил я увидел в передней, когда пришел к молодой артистке. Обыкновенный красивый самовил. Очень красивый и праздничный, он сразу наполнил эстраду, являя цирка, яркие огни, веселую музыку. Самовил был частью веселого и бодрого искусства его хозяина.

Борис Амарантов, год рождения 1940, образованность — среднее, специальность — имп, жонглер, эскитрион.

Минь — один, его «спектакль» длится две минуты, и, если публика не поймет, что ей рассказывают артист, он специально не повиснет на эстраде. Амарантова публика пошла и полюбила. Жонглеры тоже, как правило, молчат, работа требует точности, ритма, красоты, здесь не до разговоров. А вот до разговоров. А вот назад на елке в Колонном зале. Он кидал тарелки, вертел красные кольца и рассказывал ребятам, как это все происходило, поймав, снова иннул, снова поймал. Вот прыгает домой и попробуй-ка отыщишь (тарелку брать не надо) и попробуйте, Боря так и сделал иннул — не получилось, снова иннул, потом еще и еще.

Что-то получилось, еще и еще раз, немного лучше. Борис подбрасывал и ловил, увеличивал количество предметов.

Кидал и ловил до зеленых кругов перед глазами, а потом в арьер он даже выступал перед публикой. Прошел год. Учас в школе, Борис занимался в самодеятельности. Кончил восьмой класс, он решил пойти в цирковое училище. Приемной комиссией не понравилась этот хрупкий и неслышавший мальчишка, знающий много, а дети артистов цирка, выросшие на маме, умели делать куда более сложные вещи.

Его не приняли и через год. И еще раз он поступал и снова не прошел. Окончив десятилетку, старшие сестры и братья учатся в вузе. Борис решил идти в цирк униформистом.

Каждый вечер — тяжелая работа на манеже: скатывать ковер, ставить аппаратуру, подметать арену, а в свободное время тренироваться и тренироваться.

Его заметили. Большие артисты арены помогли, посоветовали, учили. В искусство артиста, особенно артиста цирка, есть много такого, до чего трудно дойти в одиночку, что надо получить, как эстафету, от старших товарищей, чтобы потом передать молодым.

В 1959 году Борис Амарантов становится наемным студентом Государственного училища циркового искусства. После первого курса — производственная практика, поездка по городам страны. Амарантов — артист цирка.

На втором курсе Борис сотрудничает с замечательным артистом, музыкантом и педагогом Сергеем Андреевичем Каштыляном. Опытный режиссер, Кашты-

лялин был: Амарантов должен быть не только жонглером и эскитрион, у Бориска есть задатки мимика.

А что, если соединить эти три маира? Но такого еще никогда не было. Мало ли чего никогда не было... Так родился идея мимы, но мимика не простого; а синтетического: он должен быть и эскитрион и жонглером.

И началась работа: прощитр миномент, чтение специальной литературы, заучивания балетом. У каждого мимика есть свой образ и своя маска. А если без маски — простое лицо молодого парня? А костюм? Надо искать только один-единственный костюм Амарантова. После долгих поисков остановились на черном трико, белой шалле, перчатках мимика и воздушнотомке белых. И красный самовил.

Сергей Андреевич начал с этюдов, их набралось около тридцати. Борис отработывал каждый шаг, жест, улыбку, все должно быть оправданно, ни одного лишнего движения. Обычно мимы работают с невидимыми, несуществующими предметами, но Амарантов еще и жонглер, предметы у него вполне реальные, и это не делает его выступление хуже, наоборот, номер приобретает большую жизненность, становится полнотелым, широким публике. В этом один из секретов успеха нового синтетического маира, созданного Каштыляном и Амарантовым. После двух лет работы на эстраде им было отобрано для показа только три, но и эти три все время оттачиваются, совершенствуются.

На эстраде — Амарантов



Фото В. ТЮККЕЛ

без грима. У него простое, веселое лицо, он улыбается залу, как бы говоря: «Я сейчас вам такое покажу!» И действительно показывает.

Поэту из известной итальянской народной песенки на эстраду выходит парень с мечами и зонтиком. Идет дождь, но ему нечем ловить те мечами, зонтиком, то свою шаллю, то зонтик, то мечами, то зонтиком, где за два софды вас изжешат, растрогают и испугают.

А вот жонглер. Он мастер своего дела, он может работать как угодно, но сегодня он почему-то немного печален, ругались на невнятный барьер, он смотрит в зал — что-то неладно у него сегодня.

Цена номера 20 коп. Индекс 7038

У артиста нет одного определенного образа. Каждая новая новелла — новые люди, новые характеры. Продолжая работать на эстраде, он черпает темы прямо из жизни. Там, обыкновенное научное происшествие послужило темой номера, который мы смотрели в Умдин.

Публика полюбила Бориса Амарантова, он сразу понравился всем. На фестивале в Хельсинки Борис выступал перед очень требовательной аудиторией. Любители и знатоки со всего света собрались на концерт мимов. Молодой советский артист, впервые выступавший перед такой большой аудиторией, был назван лауреатом фестиваля.

С большим успехом прошли гастроли в Японии. А когда на открытии Всемирного форума молодежи и студентов в Кремлевском дворце съездов посланцы нашей планеты увидели номер «Берегите мир от бешеных атомных», это был, стоп, аплодировать артисту.

Виктор СНИГИРЕВ